

Тень сумеречных крыльев

Автор:

Александр Лепехин

Тень сумеречных крыльев

Александр Иннокентьевич Лепехин

Дозоры

Тигр погиб. Ушел в никуда Двуетный, признав расторжение древнего договора. Иные остались наедине с собой. И как-то сначала неявно, а после – все заметнее, все чаще попадаясь на глаза дозорным, начинают происходить странные, необъяснимые вещи. Даже опытные волшебники и колдуны теряются, сталкиваясь с ними.

Воронежские Темные строем идут под нож мясника. В Красноярске кто-то творит сумбурные чудеса, наплевав на status quo. Делятся мрачными тайнами бескуды. В далекой Бразилии дельфины выходят на берег. Что творится с пространством и временем – лучше даже не пытаться представить. И все эти истории переплетаются, складываются, проистекают одна из другой, ведя к общему финалу.

К финалу, в котором изменится сам Сумрак.

Александр Лепехин

Тень сумеречных крыльев

Фантастический роман

© С. Лукьяненко, 2013

© А. Лепехин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Обвальщик

Ольгерд стоял на пороге и слушал, как тошнит ведьму.

Обиталище было не из дешевых. Отдельный коттедж, элитная застройка, одним словом – Долина Нищих. Санузлу в подобном домике полагалось быть размером со средней руки спортзал. Ольгерд прошел на звук и убедился, что прав ровно наполовину. Ваннх комнат было две, на разных полюсах апартаментов, и неаппетитные звуки доносились из дальней.

То, что конфуз настиг именно практикантку, вычислялось без каких-либо взглядов в Сумрак. Василий, дежурный оборотень, встретил шефа у ворот. Он выглядел непривычно притихшим и не сказал ни слова, пока шли до крыльца. С кухни, перекрывая отвратительное, меднистое амбре места преступления, доносился крепкий кофейный дух. Значит, Цатогуа уже нашел хозяйские запасы – и поколдовал над туркой. Оставалась только неофитка.

Руководитель воронежского отделения Дневного Дозора пару секунд постоял в стылой прихожей. Кондиционер работал на полную – убийца озаботился тем, чтобы труп не протух. Ольгерд поежился, а затем решил, что желудочная страдалица без него не помрет, и, кивнув Василию, направился на кухню. Оборотень понятливо поплелся следом.

– Ну, что у нас с телом? – Как выяснилось, с туркой тоже вышла промашка. Бескуд не стал заморачиваться по классике, а воспользовался достижениями

кулинарной техники – запустил кофемашину. Сейчас он стоял, уперевшись пухлым задом в посудомойку, и смаковал горячий напиток из мизерной чашечки.

– С телом у нас полный ой-вэй, – развел Цатогуа руками, ухитрившись не пролить при этом кофе. – В ванной комнате творится раскардаш. Филей, грудинка, лопатка, вот это вот все. Я такого даже после оборотней не помню – сорри, Вась, речь не о тебе.

– Да без проблем, – отмахнулся тот. – Меня тоже проняло. Только наши б грызли, а не резали.

Ольгерд поднял бровь, и бескуд отреагировал правильно.

– Ну да. Судя по всему, тело расчленили острым ножом. Причем непосредственно в джакузи. Я посмотрел через Сумрак: следы крови по всему стоку.

Впечатлившись, но не подав виду, Ольгерд взял чашку, которую ему протянул Цатогуа, и заметил:

– Как-то нехарактерно для вампира, не находишь?

Оживился и встрял в беседу Василий, давая понять, что свое мясо не даром ест.

– Так а мы о чем? Я еще принюхался как следует – ну, не пахнет нигде кровососами. В смысле, дом-то ими провонял насквозь, он же тут жил, гостей водил. А от той нарезки – ни на чих.

Начальство, отхлебнув из чашки и оценив старания механического бариста, решило прояснить ситуацию.

– То есть у нас есть звонок Биркена, который вдруг «почуял неладное» в отношении одного из своих птенцов. У нас есть показания остальной вампирской общины, которые сходятся на внезапной пропаже товарища из виду пару дней назад. И у нас есть разделанный труп не-Иного, аккуратно сложенный в ванну, как на мясной прилавок. От которого тем не менее вампиром и не пахнет. Ты уверен? – обратился Ольгерд к подчиненному. Тот даже обиделся.

– Чтоб мне веганом стать! Кровищей пахло, факт. Упырями – нет. Ну, не сильнее, чем везде. Могу еще раз перенюхать, мне ж не в лом.

Здоровое подозрение, что оборотню просто хочется размять лапы и насладиться волчьей сутью, было решено не озвучивать. Дозорный поставил быстро опустевшую чашку в раковину, оправил дорогой пиджак и выразительно покосился в сторону коридора. Василия словно ветром сдуло.

Цатогуа тоже допил и снова принялся колдовать над кофемашиной. Попутно он излагал, что успел выяснить:

– Про мясной прилавок – это было практически в точку. Я как раз любовался нашей кровавой диорамой, – бескуд облизнулся и подмигнул, – когда вдруг вспомнил молодость. У меня же дедушка был шойхет в Оршеве. И он мне, естественно, запрещал ходить на бойню. Подобные препоны, конечно же, не могли не сподвигнуть таких шлимазлов, как я и мои дружки...

– Цадик, – нарочито скучным голосом протянул Ольгерд. – Завязывай. К делу. Говоришь, похоже на работу мясника?

Цатогуа облизнул полные губы и потер блестящую лысину. Не впервые резануло его полное пренебрежение своим внешним видом. Нет, одевался бескуд аккуратно, хоть и довольно однообразно – брюки, туфли, рубашка в полоску, вязаный жилет. Но с ошметками рыжих кудрей можно ведь было что-то сделать?

– Очень похоже, – скептически шевельнул он наконец кончиком мясистого носа. – Но я не эксперт. Можно привлечь криминалиста из убойного, я его держу на, так сказать, прикорме...

– Привлеки, – сдержанно одобрило начальство. – И эту, рвет которую... В общем, приведи ее в рабочий вид.

Задумавшись и пощелкав пальцами, бескуд сложил губы курьей гузкой.

– А вот любопытно. Я тоже не помню, как зовут нашу ведьмочку. Фамилия вроде Крапивина. А имя какое-то странное, немецкое, что ли...

– Цадик, – снова пришлось сфокусировать подчиненного Ольгерду. – Работаем. Потом с Василием языками почешете.

Тот выразительно пожал плечами и достал телефон. А сам глава Дневного Дозора города Воронежа, Темный маг второго уровня, вышел в коридор с целью осмотреть дом. И просто так – и в Сумраке.

На золотисто-охряном полу из отборной паркетной доски рядом с ванной лежали аккуратно сложенные спортивные штаны и рубашка-поло. Сбоку стояли кроссовки: Василий при всей своей неказистой внешности и кажущемся раздолбайстве был большой аккуратист. Правда, зайти в одну из комнат и оставить одежду там он не догадался. Так что Ольгерд в очередной раз не знал, что ему делать: смеяться или воспитывать.

«Наверное, я занимаюсь не своим делом, – мелькнула у него в голове непрошенная мысль, пока вокруг мерцали следы от аур с первого слоя Сумрака. – Наверное, зря Форкалор в свое время вытащил меня из захолустного послевоенного Шяуляя, переманил на юга, в Воронеж, семьдесят с гаком лет натаскивал и воспитывал из неуверенного белоглазого жемайта своего будущего заместителя, а позже преемника. Не умею я толком руководить. Предпочитаю все делать сам, без делегирования. Даже вон Цадика приструнить не могу, чтобы один раз и навсегда. Другой вопрос, нуждается ли в оном приструнении этот беспардонный бескуд...»

Темный встряхнулся и отогнал упаднический настрой. Предыдущего начальника выдвинули на долгожданное повышение, замену не прислали, на должность назначили его, Ольгерда, как заместителя и подручного – как раз и свежевзятый второй ранг пригодился. Удивительно, но сам он никогда не стремился не то что к карьерному росту, но даже и к работе в Дозоре. Хотя это давало власть, и власть настоящую: не кастрированные гражданские «права на магическое воздействие вплоть до». Видимо, руководствуясь принципом недопущения к власти особо алчущих оной, наверху и было принято решение выдвинуть Ольгерда.

Он собрался и посмотрел на дом еще раз. Пропавший вампир был бизнесменом достаточно высокого, пардон за каламбур, уровня. К слову, мясом торговал – oh, the irony![1 - Какая ирония! (англ.)] Тот случай, когда брошенное в спину богачу «Упырь, насосался народной кровушки!» является непреднамеренным попаданием в яблочко. Вел практически законопослушный образ постжизни,

кроме пары замечаний по молодости – вскоре после обращения, но это у всех так. Лицензией пользовался, но не злоупотреблял. Оргий не устраивал, но связь с общиной поддерживал. Гостей водил, но не толпами, судя по прочим отметинам на первом уровне.

И тут вдруг пропал. И труп. И кровь, которую никто не выпил, а очень даже спустили в трубопровод. Загадка.

Кстати, а кто наша жертва? Ольгерд сосредоточился на отпечатках человеческой ауры – и с определенным удивлением не обнаружил их практически нигде. Были следы угасшей жизни в ванной, была размытая полоса на лестнице на второй этаж – причем движение шло сверху вниз, – был всплеск в кабинете хозяина... А на входе и на крыльце не наблюдалось ничего. По воздуху он прилетел, что ли?

И было, к слову, в этих отпечатках что-то знакомое. Что-то, мозолившее глаз, но при этом ускользавшее от пристального внимания, как мыло от мокрых пальцев в душе. Гигиенические ассоциации были настолько явственными, что маг даже невольно обернулся на ванную комнату. В этот момент сверху легкой звериной побежкой спустился Василий.

Он почти по-человечески ойкнул, увидев шефа возле стопки одежды, шустро метнулся к ней, сцапал в пасть и унес на кухню – оборачиваться и одеваться. Вот меня до сих пор стесняется, кольнуло вдруг не пойми с чего. А при Цатогуа – хоть бы хны. Потому что друзья? Или потому что я начальник?

Впрочем, сам бескуд, дурачась и завывая, вылетел из кухни, как пробка, картинно прикрывая при этом глаза рукой. Сделав вид, что не заметил осуждающего взора начальства, он тем же аллюром проскакал в сторону второго санузла. Вскоре оттуда донеслись плохо сдерживаемые всхлипы ведьмы Крапивиной и утешающе-сочувственное воркование Цадика.

Толком не успев рассердиться на своих клоунов, Ольгерд уже через пару мгновений наблюдал перед собой раскрасневшегося, взмокшего после трансформы Василия. Тот изобразил нечто, отдаленно напоминавшее стойку «смирно». Пришлось милостиво внимать.

– В общем, труп был наверху, да, – отдышался наконец оборотень. – Был не один, кстати. Там еще человеком пахнет. И кровью.

Ольгерд слегка оживился.

– Ну-ка, ну-ка, пойдём посмотрим...

В кабинете действительно имелось небольшое кровавое пятно. Натекло на темный, бурый ковер напротив приоткрытого окна. К слову, стол хозяина помещения стоял в тени, и свет был выключен. Получалось любопытно.

– А что второй? – решил уточнить маг, аккуратно обходя ковер вдоль стены. Василий ткнул в сторону створки.

– Вот отсюда им пахнет. И здесь. – Он ткнул в засохшую лужу. – Но странно: первый запах тоже появляется тут. В этом месте, – нос шевельнулся почти по-волчьи, – самый старый след.

– Все страньше и чудноватее, – промурлыкал Ольгерд. Затем, спохватившись, вспомнил о своем реноме, откашлялся и нахмурился. Оборотень покладисто молчал, своеобразно ухмыляясь на правую сторону лица. Это была дежурная улыбка, и она не означала ровным счетом ничего.

– Так вот, – веско изрек Иной, выдержав паузу, – есть версия. Второй мог первого принести. Под воздействием вампирских чар. Правда, зачем ему понадобилось лезть в окно...

– С той стороны дома пустырь и кусты, – поддержал размышления начальства Василий. – Чо, я б так и сделал. Пошаливал наш упырек, значит. Потянуло на свежатинку... – Он задумался. – Только странно. Это ж какой Рэмбо должен быть, чтобы тело, на себе, в окно второго этажа. И тогда от рамы покойничком все равно несло бы. Где-нибудь да задел. Вот к бабке не ходи.

Бабок поблизости не наблюдалось, поэтому доводы оборотня стоило признать справедливыми. Тем временем возле дома прошуршали колеса, и через минуту раздался звонок в дверь. Это был вызванный Цадиком криминалист. Пришлось спускаться.

Специалист работал споро. Он лаконично поздоровался, проследовал в ванную, с равнодушием профессионала окинул взглядом куски тела, так и разложенные по эмали. Затем обернулся к Цатогуа:

- Личность установлена?

Тот помотал головой, от чего его острые, обширные уши, словно перешедшие от сумеречного облика, чуть не захлопали по вискам.

- Надеялись на вас. Фоторобот тут не склеишь – ну, мне так кажется.

Ольгерд запоздало вспомнил, что как раз мог бы приказать телу сложиться обратно в единое целое. «Что-то я сегодня лажаю», – снова промелькнуло неуютное соображение. Криминалист тем временем выудил из своего чемоданчика ноутбук и небольшой плоский прибор.

- Вот, новинка, недавно прислали в отдел. Экспресс-сканер отпечатков пальцев. Подключаем к интернет-каналу – и можем сразу установить, не был ли покойный под наблюдением органов.

Шеф Дозора восхитился. Нет, все-таки научно-технический прогресс – великая вещь. В магии уже лет триста не было никаких глобальных прорывов. А тут каждый год какие-нибудь гаджеты, девайсы, прибамбасы. Только успевай осваивать.

Устройство работало бесшумно. Эксперт нашел в мешанине останков палец, осторожно протер подушечку специальной салфеткой, которую тут же убрал в отдельный пакетик, приложил образец к плоскости... И покривился.

- Ну что же, Выхин Дмитрий Степанович, семьдесят второго года рождения, владелец этого дома. Я так понимаю, бывший владелец.

У Ольгерда отвалилась челюсть.

?/?

Офис Дневного Дозора в городе Воронеже располагался в здании управления ЮВЖД. Ольгерду довелось наблюдать, как после войны возводили знаменитую одиннадцатизэтажную башню, которая, конечно же, на самом деле была и выше, и глубже, чем это виделось со стороны. Строение в свое время до глубины души возмутило скандального первого секретаря ЦК КПСС, но проект продавливали Темные, поэтому шумиха увяла быстро.

Внутренняя отделка была выполнена в стиле скромного шика. Форкалор, затеявший ремонт за пару лет до своего перевода, всегда отличался развитым вкусом и не дал запудрить себе голову липовым фэншуйем. Но и подрядчики внакладе не остались: все, что надлежало сделать качественно, было оплачено более чем щедро. Правда, и проверялось тоже лично самим руководителем Дозора.

– Семьдесят второго года рождения наш гражданин Выхин, естественно, только по паспорту. – Цатогуа привольно расползся по уютному креслу в кабинете Ольгерда. Тот периодически кидал на подчиненного холодные воспитательные взгляды, но бескуд либо умело их игнорировал, либо просто не воспринимал в силу врожденной жизнерадостности.

– На самом деле старичок родился еще до войны. До Первой мировой я имею в виду. Серьезный был товарищ, собранный, деловитый. Мне с ним довелось общаться. Родня как-никак.

Это было в определенном смысле правдой. Бескуды, в свете недавних новостей, считались тем самым недостающим звеном – переходной формой от вампира к «настоящему» магу. Они тоже пили кровь, но могли обходиться и без нее. Легче многих прочих входили в Сумрак, но их Сила в нем была невелика. Магия, доступная бескудам, была больше ориентирована на контроль и подчинение, но при должном тщании они неплохо осваивали и прочие заклинания. Правда, Высших среди них вроде все же не случалось.

– Так что выходит у нас ерунда, – резюмировал Цадик. – По всем статьям, после безвременной кончины наш упырь просто обязан был рассыпаться в прах. Ну или хотя бы протухнуть в виде кадавра. Никакого, извините, свежего мяса.

Было слышно, как сглотнул стоящий у двери Василий. Ольгерд подавил смешок, зачесал назад упрямые, жесткие черные волосы и уточнил:

- Насчет мясника - подтвердилось?

- Эксперт дает девяносто два процента. - Пожатие плечами в этой позе далось Цатогуа нелегко, и он пересел повыше. - В нашем славном городке, по ходу, завелся собственный Джек-Потрошитель. Только не по les papillons de nuit[2 - Ночные бабочки (фр.)], а по вампирам.

- Ну, вообще, - заявил вдруг оборотень, - французы так не говорят. У них в ходу чаще des femmes legeres[3 - Женщины легкого поведения (фр.)]. Про «бабочек» - это наше, местное.

Воцарилась мощная тишина. Бескуд аж выпрямился и округлил свои карие воловьи очи. Темный маг откровенно веселился. Да, порой их бессменный дежурный умел озадачить, не в бровь, а в глаз. Впрочем, его приятель не имел привычки застревать в одном состоянии надолго.

- К слову, - продолжил он как ни в чем не бывало. - Есть еще версия о медике, хирурге, если точнее. Там такие характерные разрезы... В общем, били один раз, снизу, под границу ребер, прямо в сердце.

Ольгерд поморщился. Все-таки магический мордобой был, как правило, чище. Утонченнее, что ли. Ну, если не вспоминать милейшую Терку или забавы оборотней. И кстати, о последних...

- Ты уверен, что от разделанного трупа не пахло вампиром? - повернулся он к Василию. Тот выглядел пристыженно, даже вечная ухмылочка сползла с лица.

- Шеф, я... Да чтоб мне хвостом подавиться! Железно говорю, ни вампиром, ни Иным...

- А у Иных свой специфический запах? - заинтересовался маг.

Оборотень оживился и принялся объяснять, размахивая руками.

- Антож! От мага пахнет... Ну, грозой, что ли. От ведьмы - травами и ядами. От вампира - гнильцой. Не, ну по факту все не так просто, но иначе и не объяснишь, - снова усмехнулся он.

Ольгерд задумчиво покивал и промолвил:

– А куски тела...

– Человечина как есть, – почти перебил Василий и для убедительности рубанул ладонью. – Что я, не пробовал никогда, что ли.

Только теперь шеф городского Дневного Дозора понял, что же его смущало в ауре покойного. Та, несомненно, принадлежала не Иному. Но если сделать поправку на недавнюю и жуткую гибель, на то, что каким-то невероятным образом бывшая нежить вдруг стала вполне себе житью... Удивительно, как он не опознал Выхина сразу.

Впрочем, махать кулаками после драки – занятие неблагодарное. Следовало подвести итоги и принять решения. Для пущей солидности Ольгерд встал и прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

– Итак, что мы имеем? – Оборотень и бескуд поворачивали головы вслед. Выглядело это настолько забавно, что маг не удержался и сделал еще пару кругов. – У нас есть однозначно идентифицированный вампир Дмитрий Выхин, который вдруг почему-то убит ударом ножа, как простой смертный. Есть версия, что разделывавший Выхина обладает навыками мясника – как бишь у них это правильно называется?...

– Обвальщик, – вставил Цатогуа, и Ольгерд утвердительно кивнул.

– Обвальщик и, возможно, врач. Подозреваю, что бывший хирург, ушедший на более... гм... хлебное место. Недавний экономический кризис, опять же. И скорее всего именно человек – о чем нам свидетельствует экспертиза Василия. Тот, второй, – пояснил он для нахмурившегося оборотня. Бескуд же задрал брови, поправил жилет на объемистом животе и поинтересовался:

– Человек, зарезавший вампира? Держите меня семеро... Под Гепардом, что ли?

– Да не, Гепард только на скорость бега. – Василий покосился на пораженных коллег и поправился: – Ну, я читал. А вообще могли Берсерка наложить. Или зелье Тысячи Рук еще есть, редкая дрянь...

Впечатлившись неожиданной эрудицией, маг тем не менее не дал сбить себя с мысли.

– Именно человек. Предлагаю не плодить лишних сущностей. Будем искать, будем ловить. Кстати, я почему-то не обнаружил следов его ауры в доме. И магическая сигналка не сработала. Так что версия о сторонних чарах мне кажется убедительной.

Цатогуа кивнул и тоже поднялся. Оборотень отлип от дверного косяка, почесал в затылке и вопросительно посмотрел на шефа. Предстояло раздать задания.

– Действуем так. Ты уведомишь Светлых. – Палец Ольгерда качнулся в сторону бескуда, и тот снова кивнул. – Я думаю, можно подать протест и посмотреть, как они отреагируют. Заодно и сообщение от вампирской общины прикрепи. Только без фанатизма, дабы не было эскалации. Так, потроллишь. И попробуй собрать данные на городских мясников. Не на всех, – успокоил он шутливо ужаснувшегося Цадика, – только на пришедших из медицины. Бригадиров поспрашивай, начальников производства, на Рынок забеги – ну, не мне тебя учить. А ты, – Василий преданно ел начальство изумрудными глазищами, – вернешься к дому покойного Выхина. И хорошенько там понюхаешь. Только не светись. Мне нужно знать, куда после нападения мог скрыться наш доморощенный Кейси Райбек. Хотя бы направление. И запах хорошенько запомнишь. Понял?

Оба подчиненных забормотали что-то утвердительное и деловито вышвырнулись в коридор. Главный воронежский дозорный потер лицо руками, расстегнул еще одну пуговицу на угольно-черной рубашке и откинулся на спинку кресла. Вот жили себе спокойно, без эксцессов, разруливали мелкие безобразия низших и выпендрож Светлых... Нет, надо было произойти необъяснимому, и именно в его смену. «Ох, Форкалор, зачем ты увез меня из тихой, ленивой Литвы?»

Было еще одно дело, за которое следовало взяться самому. Впрочем, тут Ольгерд в некотором роде отдыхал душой. С детства любивший Ordnung und Disziplin[4 - Порядок и дисциплина (нем.)] во всем Темный Иной обожал систематизировать и упорядочивать информацию. Бывший начальник, к слову, именно этим свойством объяснял сделанный выбор. «Мы, Темные, эгоисты, – втолковывал он тогда еще совсем молодому магу. – Мы вечно тянем одеяло на себя. Руководитель-педант нам просто необходим. Тебя это будет раздражать, но оно и к лучшему: если направишь свой гнев в нужное русло, вскоре

выработаешь командный голос и суровую репутацию». Увы, с последним все как-то не срасталось. А вот отчеты в Москву составлялись – любо-дорого посмотреть.

Естественно, это были пока лишь наброски. Полная версия уйдет по окончании расследования. Ну или если что-то пойдет не так, и потребуются помощь из центра. А Ольгерд очень, очень надеялся, что обойдется без нее.

?/?

Второй фрагментированный труп обнаружили в менее пафосном месте: в квартире одной из многоэтажек Нового Северного, по улице Мордасовой. Глава вампирской общины позвонил главе Дневного Дозора и холодным, срывающимся на ядовитые плевки голосом заявил, что не потерпит произвола в отношении своих подопечных. Ольгерду пришлось даже повысить тон, дабы приструнить зарвавшегося кровососа. И тут же пообещать, что виновные будут отысканы, водворены в застенки и сурово наказаны. По всей строгости.

Василий и Цатогуа унеслись на локацию еще в начале разговора. Ведьму Крапивину с собой брать не стали, и теперь она с виноватым видом шлялась по офису, стараясь, чтобы начальство оценило ее муки совести. В итоге пришлось посадить даму разбирать сведения по мясникам – бескуд расстарался и подготовил целую компиляцию.

Внимания, впрочем, заслуживали всего трое – из без малого пары десятков. Один работал на Донском, один на Рынке и один на Воронежском комбинате. Все бывшие медики. Двое ушли из хирургии, третий – в прошлом патологоанатом. Круг подозреваемых сужался.

Позвонил Цатогуа, изложил новости. Оказывается, на этот раз неведомый резник выпотрошил вампиршу. Девушка была относительно молодой, инициированной недавно самим Биркеном по разрешению ажно из Москвы. Характер проявляла на удивление выдержанный, да и вообще могла служить чуть ли не примером для прочих низших. Симпатичная, окинул взглядом присланную фотографию Ольгерд. Даже жалко.

Оперативно прибывший криминалист помог установить факты. Первое: на этот раз жертву пытали. Причем пытали как человека: никаких спиртовых ванн и

серебряных пуль. Следы от бечевки, множественные порезы, пара ожогов – похоже, убийца додумался нагревать свои ножи на газовой плите. Именно ножи: удалось выяснить, что инструментов было несколько. Каждый использовали для вполне определенной цели: убий, забеловка, обвалка, нутрование, жиловка... Ну, насколько это применимо по отношению к разумному существу. «Профессионал хренов», – подумалось с отвращением.

Второе: убийцей был тот же человек, что и в первом случае. По запаху Василий давал стасорокашести процентную гарантию – неясно, откуда взялась эта цифра, но звучало убедительно. Биркен рвался брать след и щучить мерзавца на горячем, причем аналогично по частям. Еле уговорили его ехать домой и дать спокойно работать.

И третье, относившееся к первому: над расчлененным телом снова бликовали остатки тускнеющей на глазах, но вполне себе человеческой ауры. И пахло оно «людским мясом», как выразился оборотень. Выходило как-то неуютно.

Сняли отпечатки пальцев предполагаемого агрессора. Увы, никаких совпадений ни в полицейской, ни в дозорной базе данных обнаружить не получилось. Любопытный факт: на этот раз потрошитель не полез в окно – все-таки пятый этаж. Встал на лестнице повыше, дождался открытия двери, напал сзади, затащил в квартиру. А вот каким образом он смог обмануть острый вампирский слух и опередить сверхбыстрые вампирские же рефлексы – оставалось тайной.

А потом в офис явился Фазиль.

Руководителя Ночного Дозора города Воронежа Ольгерд не любил. Ну, во-первых, потому что Светлый. А во-вторых – и в-главных, – за то, что пожилому целителю безо всякого напряжения давалось нечто, что никак не выходило у Темного мага. Если точнее – искусство оставаться спокойным в любой ситуации и не агрессивировать по мелочам.

Тем не менее стоило проявить вежливость. Соблюсти, так сказать, протокол. Поэтому глава Дневного Дозора встретил не вполне ожидаемого гостя лично – и проводил в свой кабинет. Ведьму Крапивину тут же припахали заваривать чай: потемнее, покрепче, и сахарницу пообъемистее в довесок.

Светлый устроился в любимое кресло Цатогуа, благодушно улыбался, тихо отхлебывал из кружки. Ольгерд ждал.

– Я слышал, у вас подопечные пропадают, – перешел наконец Фазиль к делу. «Так, сохраняем лицо: ох уж эти слухи, ох уж эти сплетники...» Впрочем, целитель не планировал оттаптываться по ранам. Он, казалось, сочувствовал искренне – и это начинало злить. Темный решил играть вчистую.

– Двое, вампир и вампирша, – рубленые фразы выдавали раздражение, но тут уж ничего не поделаешь. – Трупы расчленены. Похоже на действия профессионального мясника.

– Обвальщика, – уточнил Светлый. – Это я тоже слышал. Заявляю официально – наши тут ни при чем. – Он неожиданно грустно улыбнулся. – А были бы при чем, за ухо бы приволок засранцев. Ну нельзя же так.

Вспомнилось, что до обращения, а также некоторое время после Фазиль работал педиатром. Или как это называлось в его времена, «лекарь по отрокам»? Впрочем, он же тоже не местный. Ощущение, что с опытным магом разговаривают, словно с обиженным ребенком, накатило и схлынуло. Ольгерд решил прикопаться к формулировкам.

– Гарантируете?

– Да, это вы верно подметили, – спокойно согласился целитель. – Гарантировать не могу. Но ручаюсь лично. Под мою ответственность.

«Светлые!» – презрительные интонации были призваны подавить невольное уважение к широте жеста. «Вечно вписываются за всех разом, за сирых, за убогих, за правых и виноватых... Но это можно использовать – так используем же».

– Вы только за этим пришли, коллега? – изображая сдержанное недоумение, поинтересовался Ольгерд. – Могли бы направить официальную бумагу. Не вижу причин отвлекаться от дел... По мелочам.

Как он и ожидал, причины на самом деле были. Фазиль отставил допитую чашку, укоризненно улыбнулся собеседнику и подался вперед. Здоровый же он, подумалось не к месту.

– Я предлагаю вам сотрудничество, – веско, с расстановкой сказал шеф Ночного Дозора. – Светлым не меньше вашего хотелось бы пресечь деятельность этого маньяка. Диагноз, конечно, предварительный, – скептически покривился он, – но вероятность велика. Как минимум пограничное состояние психики.

– Но как псих мог спланировать все это? – не выдержал Ольгерд и заслужил еще один снисходительный взгляд. Кажется, намечалась лекция для профанов.

– Маниакальное состояние рассудка вовсе не подавляет когнитивные функции, – размеренным тоном начал вещать целитель. – Оно обостряет целеполагание, закрепляет фиксацию на идее. Маньяки проявляют удивительную сосредоточенность и изворотливость в деле достижения результата.

Темный понял, что влип. К счастью, в этот момент вернулись Цатогуа и Василий. Они по очереди почти уважительно кивнули начальству конкурентов и по стеночке просочились к дальним стульям. Пришлось вводить подчиненных в курс дела.

Бескуд обрадовался идее, как родной. Потрясая уже добытой чашечкой с любимым содержимым – без Крапивинной явно не обошлось, – он принялся убеждать окружающих, вспоминая аналогичные случаи из своего бурного подкарпатского прошлого. Пришлось прибегнуть к крайним мерам.

– Фишман! – рявкнул Ольгерд, когда ни «Цадик», ни «Цатогуа» не возымели эффекта. – Кофе отниму!

Угроза была страшной. Фазиль сохранял полное внешнее спокойствие, смеялись только его глаза. Василий краснел за друга. Тот же быстренько вышел из ступора и принялся отчаянно кивать.

– Аз ох н вэй! Виноват, увлекся... В общем, мое мнение – стоит.

Оборотень же выпятил массивную, грубо слепленную челюсть и подвигал ею с угрозой.

– А мне не нравится. Светлых не люблю, – пояснил он прямо. – Щемили меня по малолетке. Спасибо Форкалору, отмазал.

– Не Форкалор, а объективная невинность, – уточнил Фазиль. – Ты был чист перед Договором, но это требовалось доказать. Мы и доказали.

Следовало пресечь назревавшую перепалку, поэтому Ольгерд потер двумя пальцами переносицу и легонько хлопнул ладонью по столу. Обернулись все.

– Я согласен на ограниченное, обусловленное принципами Договора сотрудничество, – отчеканил глава Дневного Дозора. – Без каких-либо обязательств и взаимозачетов. Вас это устроит?

– Вполне, – произнес глава Дозора Ночного. – Вполне. Составим акт или обойдемся устной договоренностью?

??

Тело за номером «три» нарисовалось уже на следующий день. С одной стороны, оно доставило обоим Дозорам изрядную головную боль. Впрочем, ситуация в целом начинала выходить из-под контроля, что, естественно, не радовало никого. А с другой – появились вполне конкретные зацепки.

Смотреть на Василя было тяжело. Он мрачно и весомо вышагивал между сосен, протаптывая в лесополосе новую тропинку. Руки были скрещены на груди, ухмылка сползла, крупные, щедро рубленные черты лица заострились и стали будто контрастнее. Наконец Ольгерд не выдержал.

– Слушай, я все понимаю. Для вас важны родственные связи, волчья стая и все такое. Давай ты возьмешь отгул.

– Да на хрена? – Изумление было искренним. – Не, ну йопт, родня, конечно. Но там такая седьмая вода на киселе... Я, честно говоря, за вас переживаю, шеф. Неделька не задалась, а вся ответственность на ком? Вы вон отощали.

Глава Дневного Дозора поперхнулся. Действительно, все происходящее его слегка подкосило, и питался он, прямо скажем, нерегулярно. Но подобная фамильярность... Впрочем, это было нормальным явлением в случае оборотня.

Нехарактерно ответственный и обязательный, он считал своим долгом приглядывать за шефом еще в те времена, когда тот был замруководителя отделения. Долг этот был, к слову, принят на себя добровольно. Когда на тот момент юного и горячего щенка пригрозили оставить без довольствия за какие-то провинности, Форкалор действительно проследил за тем, чтобы правосудие свершилось согласно букве и духу. В итоге доброе дело привело к появлению в немногочисленном воронежском Дозоре собственного оборотня.

Второй оборотень – точнее, то, что от него осталось, – привольно раскинул лапы в редком, перемежающемся крапивой малиннике. Он был заколот в затылок: тонкое, но прочное граненое лезвие скользнуло между костей прямо в мозг. Оставалось только поражаться, насколько умело и сильно был нанесен удар. С тела, так и не принявшего человеческого облик, начали сдирать шкуру – по всем канонам, начав с конечностей, – но убийцу спугнули ранние прохожие, и дело осталось незавершенным.

Воробьи, любопытствующей компашкой облюбовавшие недалёкую бузину, возбужденно обсуждали новости. Один, видимо, особо наглый, слетел на ухо здоровенной волчьей туши и заинтересованно его поклевывал, периодически косясь на двуногих. «Интересно, – вдруг подумалось Темному, – а можно ли опросить птицу? Нет, почти наверняка получится распотрошить память – но много ли ее там уместается в мелкой черепушке?» Словно услышав, что о нем думают, воробей сварливо чирикнул и сорвался вдаль. Ловить его, естественно, никто не стал.

И снова Ольгерда смущала аура трупа. Ее ошметки, полувыцветшие и почти развеянные дыханием Сумрака, совершенно определенно говорили о том, что перед магом лежит недавно скончавшийся не Иной. Человек. Но туша здоровенного волка безмолвно вопияла, а Василий на расспросы о запахе только махнул рукой.

К слову, обнаружили тело не сильно далеко от той же Мордасовой. А вскоре выяснилось: обе последние жертвы были знакомы. В день убийства вампирши покойный, какой-то троюродный кузен Василия, провожал девушку практически

до дома. Убийца вполне мог его заметить и взять на карандаш.

Фазиль прислал сотрудника – точнее, сотрудницу. Рослая, по-мужски широкоплечая барышня, покачивая толстой, длинной русой косой, окидывала окрест презрительными взглядами. По ней было понятно, что буде случится в этом сосняке лежать всему составу Дневного Дозора – ее это только порадует. Но работа есть работа. В руках у девушки подрагивал небольшой блокнотик: заметки волшебница, навскидку четвертого уровня, предпочитала делать по старинке.

Подошел Цатогуа, судачивший с криминалистом. Ранее он уже успел опросить свидетелей, немолодую пару, решившую спрямить через лес и уже раскаивавшуюся в этом намерении. Кроме того, пришлось зачистить память наряду полиции, выехавшему по звонку, – внушить им, что произошло недоразумение. Выглядел бескуд соответственно не самым бодрым образом.

– Ну що я могу-таки сказать за этот хипеш? Пока ничего нового. Хорошие ножи, отменное знание анатомии. Человеческой и не только. Похоже, что оборотень его таки учуял и напал первым. Ветер поутру у нас обычно с той стороны. – Мах рукой для наглядности. – Значит, не профи. Но талантливых самоучек я боюсь больше. Свидетели видели, как фигура в черном рванула из кустов, словно иудей от свинины. Женщины у нас традиционно более внимательны: дама успела разглядеть, что парень молодой, волосы длинные, тоже темные. Ну, зрительный образ я умудрился аккуратно снять, отдам художнику.

Услышав пассаж про женщин, Светлая волшебница, которую, как выяснилось, звали просто Женя, фыркнула и вклинилась в разговор.

– Это все, конечно, хорошо. Но как вы собираетесь ловить вашего народного мстителя?

– Нашего, – поправил Ольгерд. – Теперь это наша общая головная боль, уважаемая Светлая.

– С чего бы? – уперла та руки в боки и задрала подбородок. Ткань бесформенной толстовки неожиданно натянулась в области бюста. Где-то в стороне хмыкнул Василий. – Пока что он напал только на ваших низших.

– Ну, начнем с того, – вклинился бескуд, – что по первости мы полагали его работающим строго по вампирам. Оборотень сбил нам всю картину – Вася, опять mille pardons[5 - Тысяча извинений (фр.)].

– Поймаем гада, руку ему откушу, – с наслаждением буркнул тот. Цатогуа покивал и продолжил:

– Отсюда экстраполируем: что, если его интересуют не только низшие? А если даже и не только Темные? В любом случае массовые убийства – это повод жаловаться Светлому начальству, и вас, простых оперативников, за подобный факап по головкам не поглядят.

С рассуждениями подчиненного Ольгерд был согласен целиком и полностью. Решив оставить без внимания манеру перебивать старших, он подвел итоги.

– Итак, убийца молод. Что, к слову, отсеивает наших предыдущих кандидатов – там двое мужчин за сорок и один за пятьдесят. Похоже, что студент из Бурденко.

– Значит, не из полноценных обвальщиков, а какой-нибудь ассистент, – заметила Женя, втянувшись в дискуссию. – Кстати, у нас не говорят «Бурденко». Просто «мед». Вы не местный.

Звучало как приговор. Маг сощурился, но тут опять влез Цатогуа.

– И що? Я тоже, и кому какое горе? Давайте дальше, шеф, я весь внимание.

Благодарно качнув подбородком, Ольгерд стал развивать мысль:

– Значит, надо еще раз пробежаться по спискам мясников, на этот раз учтя помощников, подручных, подмастерьев – как там у них сейчас принято? И отсеивать по alma mater[6 - Мать-кормилица (лат.), здесь: учебное заведение.]. И по внешнему виду. И по времени отсутствия на рабочем месте. Последнюю жертву убивали утром, но первая смена, насколько я понимаю, на тот момент уже началась. Наш юный Чикатило вполне мог на этом погореть.

Женя отлипла от дерева, на которое опиралась спиной, и скептически покривилась, маскируя оживание.

- Это изрядно. Надеюсь, у меня будет свой участок?

- Мы договорились с Фазилем, - напомнил руководитель Темных. - А значит, на время нашей совместной работы я вам доверяю. Цадик, поделись списками.

Когда бескуд и волшебница, за разыгравшимся азартом забывшая о своей неприязни к Темным, удалились, Василий тихонько подошел к начальнику и, запинаясь, проворчал:

- А вот мне что подумалось...

- Да? - ободрил его маг. Оборотень заметно осмелел.

- Так это, он же вторую жертву пытал. А зачем? Может, хотел понять, с кем имеет дело? Может, он про Иных не в курсах? А тут бац - вампир! Помню, как у меня крыша ехала, когда шерсть поперла... Короче, - нахмурился тот, - сейчас он уже может что-то знать. Но что меня сразу напрягло: как он наших-то вычисляет? Видит?

Вопрос был интересный. Ольгерду вспомнилась давняя история со стихийным Иным, который устроил москвичам схожий геноцид Темных. В поимке, кажется, принимали участие сам Завулон, Гесер и Городецкий, и дело закончилось тем, что парня отправили в Инквизицию - какие-то там всплыли щекотливые обстоятельства. Но тот тип был Иным, хоть и не до конца осознавшим себя. А в их деле все указывало на человеческий фактор.

Они еще потеоретизировали, причем глава Дозора был приятно удивлен глубиной познаний Василия. Оказывается, за непритязательной внешностью скрывался настоящий энциклопедический ум: оборотень много читал, вознамерившись разобраться с природой Иных и справиться с ограничениями, накладываемыми на низших Сумраком.

В этот момент зазвонил телефон. Сюрпризом оказалось то, что это была Женя.

– У меня попадание с первой попытки. – В голосе Светлой волшебницы хватало отнюдь не Светлого самодовольства. – У забойщика с Донского оказался помощник, ученик обвальщика. Студент с меда, но ушел после третьего курса. Мрачный, неразговорчивый тип, вечно в черном. Сегодня он опоздал, сейчас вроде как на обеде. Пойду брать.

– Стоять! – рявкнул Ольгерд с поразившей его самого тревогой. – Отставить! Забыла, что он с вампирами сотворил?

Переход на «ты» оказался неожиданным для самого мага, но девушку, кажется, проняло. Она смущенно посопела в трубку, а затем осторожно поинтересовалась:

– Тогда... Каков наш план?

И тут на главу Дневного Дозора снизошло озарение. Он пощелкал пальцами и, будучи не в силах сразу оформить весь вихрь идей, взметнувшийся в голове, кратко выдал:

– На живца.

К чести Светлой, соображала она быстро. Правда, авантюрного запала в ней это не уменьшило.

– Чур, в роли живца я!

«Молодая еще совсем, – подумалось Ольгерду. – На что угодно можно спорить, недавно инициированная. И пока еще готова всему миру доказывать, что порох в пороховницах не просто имеется, но и вполне себе пылает. Был ли я таким? Или у Светлых оно иначе?»

Тем временем Женя развивала успех идеи.

– Сейчас я еще немного пообщаюсь с мясником, дождусь нашего товарища и тут же пойду. Он просто обязан насторожиться – и попытаться меня устранить. Естественно, при людях он этого делать не станет. А вот попробовать за мной проследи-и-ить...

Шеф Темных кивнул, затем, вспомнив, что по телефону его не видно, продублировал голосом.

– Давай вымани его с территории комбината. Как увидишь, что следует за тобой, незаметно набери мой номер и сбрось. Потом... – Он прикинул маршрут. – Потом к Малому Пятаку и в парк Танаис. Народу там сейчас немного, будем работать. С угла Моравской и Сибиряков – в глубину по биссектрисе. Я звоню Фазилю. Справишься?

Девушка только фыркнула, а затем связь прервалась. Ну что же, вот и развязка. Ольгерду, кажется, передался охотничий азарт Светлой. Василий тоже напряженно вглядывался в лицо начальника. Тот сощурился.

– Звони Фишману. Едем.

Караулить решили за удачно расположившимися полукругом соснами, образовывавшими, как на заказ, небольшую уютную полянку. За пару минут до подхода Женя позвонила еще раз, шепнув: «Готовьтесь». Умница, мысленно похвалил Темный маг, а вот я не догадался. Впрочем, вскоре предприимчивую барышню стало видно через Сумрак. Проблески Светлой ауры пробивались через заметно погустевший и заматеревший на первом слое лес. Все по очереди нырнули в тени.

– Я думаю, здесь он все равно нас увидит, – подошел Фазиль, почти не изменившийся в сумеречном облике. Разве что вместо свитера и брюк на нем оказались кольчуга и поножи, а голову прикрыла круглая шапка с меховой опушкой. – Интуиция. Что-то подсказывает мне, что быть Иным в данной ситуации – не бонус.

Ольгерд хотел возразить, но тут на поляну вышла волшебница. Она стала у ближнего к засаде края, а вслед за ней...

Да, совершенно обычный парень. Ну как обычный: студент, каких полно. Черные джинсы, футболка, берцы и темно-серая куртка армейского образца. Волосы тоже черные, забраны в аккуратный густой хвост. Аура просто горит: сдерживаемая ярость окрасила ее во множество злых оттенков красного. Лицо какое-то знакомое – будто уже видел его, совсем недавно, причем в какой-то банальной ситуации. Недоброе лицо, к слову. Сосредоточенное, но уголки губ

подергиваются. Кажется, собирается что-то сказать.

Маг таки вынырнул из Сумрака и успел услышать фразу целиком. Говорил убийца отрывисто, резко – и эта манера тоже показалась знакомой.

– Ты Светлая. – Ага, значит, уже в курсе. – Зачем я тебе?

Женя помолчала секунды две, а затем осторожно, явно опасаясь спугнуть, уточнила:

– То есть ты знаешь, кто я, но не понимаешь, с какой целью я тебя искала?

Парень усмехнулся и обвиняюще ткнул пальцем – медленно, картинно, но веско.

– Упырица сказала, что Светлые должны пасти таких, как она. Но вы этого не делаете. Вакансия открыта, и я решил, что займу ее сам. Хочешь – присоединяйся. Не хочешь – не лезь не в свое дело.

Мысленно Ольгерд восхитился. Самоуверенности товарищу было не занимать. Вакансию он займет... Интересно, каков его интерес? Тем временем не менее самоуверенная волшебница пыталась вполне в духе Светлых наставить собеседника на праведный путь.

– Скажи, но разве законно было бы, если бы, скажем, за попытку кражи из магазина продавец до смерти избивал попавшихся воришек? Полиция людей работает в рамках своих правил, правила есть и у нас. Они называются – Договор. И ты его нарушаешь.

– Да плевать! – неожиданно взорвался парень. – Плевать на ваш Договор! Один из них выпил мою сестру! И я не остановлюсь, пока не перережу всех, всех этих тварей!

Глава Дневного Дозора города Воронежа с определенным ужасом наблюдал, как вокруг полыхающего жарким, ослепительно-алым гневом молодого человека вскипает Сумрак. Вскипает – и отшатывается, словно в ужасе. Разъяренный мститель будто выжигал все вокруг себя, и становилось странно, что в реальном мире трава и деревья поблизости еще не начали тлеть.

Видимо, решив, что в таком состоянии ее собеседник не внимлет голосу разума, Женя протянула к нему руку. С пальцев сорвалось что-то знакомое. Похоже на «Морфей», только не по площади, а сфокусированный. Заклинание пронеслось через Сумрак...

И растаяло. Испарилось, ударившись об ауру мясника. Ольгерд поморгал и присмотрелся еще раз: нет, точно человек, ни разу не Иной. Но какая мощь!

Парень, почуяв нападение, весь сжался, напряжился – и рывком преодолел добрых метра три. В кулаке у него блеснул нож. Тот самый, узкий и длинный. Последовал резкий, едва уловимый взмах.

Как выяснилось, девушка тоже была не чужда физической подготовки. Она привычным движением перекатилась в сторону, и еще раз, и вскочила, развернувшись. Правда, удержаться от вскрика ей не удалось. Нож таки зацепил рукав – и, похоже, руку под ним.

Из-за деревьев вылетел Василий. Он уже перекинулся, но атаковать агрессора не спешил – просто клацнул зубами, отгоняя того от Светлой. Чудеса, подумалось удивленно, мы действительно работаем вместе!

Хирург-недоучка отпрыгнул и достал откуда-то из-за пазухи второй нож. Много же их у него, ухмыльнулся Ольгерд, выходя из-за деревьев. С другой стороны полянки выдвинулся незаметно перешедший туда Фазиль. У него вокруг предплечий поблескивала какая-то экзотическая версия Хрустального Щита. Также на рукопашную настроился, понял Темный.

Ножи замелькали, темная куртка рванулась вперед. Маг попробовал подсечь ноги противника, подняв у того на пути пару кочек, – старый прием, еще с жемайтских болот. Увы, атакующий среагировал и перепрыгнул препятствие, устремившись в обход Василия. Тот извернулся и попытался цапнуть человека за руку, но с воем откатился в сторону – на морде наливался кровью широкий разрез, чудом не зацепивший глаз. Поразительно, снова подметил Ольгерд, этот тип движется быстрее оборотня в боевой форме!

Женя, успевшая отбежать подальше, снова кинула заклинание. «Фриз» вlepился обвальщику в бок – и с хрустальным звоном осыпался на землю. Тот зарычал, и в этот момент Фазиль подобрался достаточно близко.

Скользнув в низкой стойке, целитель провел молниеносную подсечку и тут же добавил локтем. Парень, успев отработать ногами, зашатался от удара. Впрочем, он тут же отмахнулся ножом. Видно было, что угрозы извне его только распаляют. Ольгерд, поддавшись наитию, наколдовал почти полкуба ледяной воды и обрушил ее на противника. Большая часть едва не припала на Фазиль – бойцы успели отпрыгнуть в стороны, а Темному магу достался укоризненный взор коллеги.

Увы, это движение отняло у главы Светлых драгоценные доли секунды. Убийца в черном действовал нечеловечески быстро: он кувыркнулся через неожиданную лужу и ткнул левой рукой. Светлый успел заблокировать, при этом Хрустальный Щит разлетелся хлопьями, словно его и не было. Второй нож прицелился справа, и было件нятно, что еще раз Фазиль не успеет.

И тогда обычно осторожный Иной совершил самый глупый поступок из всех, которые когда-либо приходили в голову – за всю его долгую, насыщенную жизнь. Он заорал, вводя себя в состояние исступления, заглушил голос разума, подстегнул собственные рефлексy – и прыгнул между лезвием и его целью. Удар плечом опрокинул целителя, тот упал удачно, откатился...

А Темный маг второго уровня, руководитель воронежского отделения Дневного Дозора по имени Ольгерд с удивлением наблюдал, как его собственная кровь стекает по рукояти ножа, пробившего дорогой пиджак и воткнувшегося куда-то в брюшину. Прямо перед его взором маячило раскрасневшееся, злое, торжествующее лицо с закушенной губой. Внезапно он понял, где видел эти черты: в зеркале, каждое утро и по вечерам. Разница была в глазах – не белые, а черные. Так странно. Боль, догнавшая сама себя, прошла тело. Вот и все, подумалось отрешенно. Вот и все.

Но все еще не закончилось. За спиной убийцы мелькнула низенькая ушастая тень. Раздался хрусткий, гулкий удар, парень вздрогнул, закатил окуляры и рухнул на траву. Над ним стоял Цатогуа, виновато потирая свежесломанный толстый сук чего-то листовного.

– Ну, вот так как-то, – хмыкнул он. И тут у Ольгерда перед глазами все поплыло...

?/?

Ведьма Крапивина больше не страдала от не востребованности. Вдвоем с Фазилем они кружили над телом павшего товарища, обмениваясь одним им понятными медицинскими терминами, названиями трав, зелий и магических процедур. Глава Дневного Дозора дергался и постанывал сквозь зубы.

Наконец кровотечение было остановлено, рану затянули, организм взбодрили – а Светлый целитель к тому же колданул чего-то успокоительного. Посттравматический стресс, объяснил он. Рекомендуются походить к психотерапевту.

Ольгерд хотел сказать все, что он думает по поводу мозговедов, но промолчал. Промолчал и сам Фазиль, решив не нервировать пациента и коллегу. Молчал Василий, покачивая забинтованной головой, и Цатогуа, задумчиво поглощавший кофе. Молчала ведьма. Молчала Женя, поправляя повязку на руке и морщась. Молчал пришедший в себя пленник.

И молчал приехавший к шапочному разбору Инквизитор.

Темный маг подозревал, что прибытие гостя из Праги связано со все-таки отправленным предварительным отчетом по делу. Ему пришлось пойти на это после второго трупа – сказалось врожденное чувство ответственности. Что, если бы воронежские Темные полегли в полном составе? Высшее начальство должно быть в курсе. И вот, собственно, результат: в Москве тоже решили, что головной болью недурно бывает поделиться.

Посреди нечасто использовавшейся допросной поставили самое крепкое кресло с подлокотниками. Из каких-то закровов всплыли даже тройные кожаные ремни. Несостоявшийся бледнолицый Блейд, принайтованный к трону, смотрел на мир исподлобья. Ольгерд, будучи удачно заштопан, даже сходил до зеркала и внимательно изучил отражение. Сходство было поразительным. Но не может же быть...

Наконец Фазиль вздохнул, испросил взглядом подтверждения у Темного коллеги и взял на себя инициативу.

– Как тебя зовут?

– Олег, – на удивление спокойно ответил парень. Цагогуа поперхнулся кофе и наморщил лоб. Василий хекнул.

– Олег... – просмаковал целитель вслух. – Ну, расскажи нам, Олег, как ты дошел до жизни такой.

В ауре убийцы снова замелькали алые всполохи. Он вскинул подбородок и прострелил собеседника взором.

– Жи-и-изнь? – прошипел он. – Да что вы знаете о моей жизни?

– Вот и поведай нам, – пожал плечами Светлый. – Может, тогда хоть узнаем.

Мясник часто задышал, затем резко уполовинил темп. Огонь в ауре притух.

– Ну, слушайте, граждане колдуны. И не говорите потом, что не слышали...

Отец Олега погиб во Вторую чеченскую, почти под окончание кампании. Именно он в свое время внушил сыну мысль: мужчина должен быть ответственен. За родных, за близких, за слабых и обиженных. И даже начал тренировать в рамках армейского рукопашного и ножевого боя, когда подошел возраст. Увы, постигнув азы под чутким руководством родителя, дальше Олегу пришлось обучаться самому. Мама, узнав про смерть отца, слегла – она и так не отличалась здоровьем. Еле справилась, но сил ей это поубавило изрядно. Десятилетнему пацану пришлось взять на себя часть забот о совсем еще мелкой сестре.

Олег мечтал выучиться на врача. Мамин диабет упорно стремился к декомпенсированной фазе, и несправедливость со стороны мироздания возмущала молодого человека до глубины души. Как так? Почему хорошие люди должны страдать? Это неправильно! В то же время восхищало мамино упорство: она продолжала каждый день решительно ходить на работу, на мясокомбинат, чтобы прокормить, одеть и дать шанс на лучшую жизнь своим детям.

Поступление в мед отмечали всей семьей. Никакого блата, все своим умом. Сестра, беззаветно обожавшая старшего, висела на нем весь вечер, в голос распевая придумываемые на ходу хвалебные гимны. Музыка была ее жизнью, без преувеличений, и Олег периодически намекал, что неплохо бы заняться этим

делом всерьез, но мала?я только залиvisto хохотала. Мама сидела тихо, отпивала из рюмочки редкий – и, по-хорошему, запретный для нее ликер. И светилась от гордости. И любовалась на детей.

Дальше было тяжело. С десятого класса подрабатывавший на том же производстве Олег оказался не вполне готов к интеллектуальным нагрузкам студентов-медиков. Впрочем, это его не останавливало. Даже удалось не забить на тренировки. Воронеж – город резкий: обычный вечер может перестать быть томным в любой момент. К двенадцати годам сестра уже начала округляться в нужных местах, и пару раз до нее докапывались сальные типы с побитых «девяток». Приходилось курощать.

И вот число «двенадцать» сыграло в жизни Олега свою роковую роль. Откуда ему было знать, что именно с этого возраста детей включают в вампирскую лотерею? Откуда ему было знать, что жребий выпадет именно на его младшую сестренку? Откуда ему было знать, что именно он своими руками будет доставать хрупкое, беспомощно раскинувшееся по воде тельце, которое прибьет течением к отмели Отрожки?

Мама не выдержала. Скакнула вся возможная биохимия, и с диабетической комой ее отправили в областную больницу. Студенту-медику пришлось самому организовывать похороны сестры.

Именно тогда, когда двое безразличных и неопрятных рабочих начали закрывать гроб, по краю поля зрения промелькнула какая-то тень. Смутное шевеление, погруженное в самое себя. Оно обняло покойно лежащее на складчатой ткани тело девочки – и сгустилось возле шеи. И Олег увидел...

Впрочем, увиденное не было чем-то конкретным. Так, полосы, пятна, невнятица. Он даже не осознал, что именно отпечаталось в его памяти. А вот через месяц, когда вокруг заглянувшего в разделочный цех бизнесмена Выхина запульсировала знакомая аура, Олег начал понимать.

Проследить за богатеем было несложно, забраться в его дом через приоткрытое на втором этаже окно – аналогично. А вот тот факт, что существо, явно связанное со смертью его сестры, поджидает Олега, сидя в тени за рабочим столом, оказался неприятным сюрпризом. «Ах ты ж урод», – подумал студент, распаяясь. Гнев захлестнул его с головой, словно легендарного берсерка. Тварь

прыгнула к нему через всю комнату...

Удар был поставлен хорошо. Сказался опыт как разделки свиных и коровьих полутуш, так и многочисленные тренировки на приволоченном со свалки манекене. Упырь – а кто еще мог похвастаться такими клычищами? – забился, засучил руками-ногами... И сдох.

Разделявая труп, после кончины принявший вполне человеческий облик, Олег размышлял. Выходило, что легенды не ввали в общем – и прокалывались по частностям. Например, получилось обойтись без осинового кола и серебряного распятия. Удивления, к слову, он не испытывал: ну, вампир, ну, подумаешь. Не опаснее гопоты с района, по итогу.

Самому себе было сложно объяснить, зачем он провел эту обвалку. Наверное, показалось, что единичный удар в сердце не был достаточным наказанием за мучения сестры и матери. Или просто причудливо включился автоматизм, вытащивший из подсознания рабочий алгоритм при виде неживой органики. Олегу было все равно.

А на следующий день он чуть не столкнулся с парочкой, которая буквально перекрывала тротуар своими темными, колючими аурами. Причем эманации девушки напоминали недавно забитого кровососа, а вот парень... Парень был другим. Иным.

На этот раз прошло даже легче. Жертва почти не сопротивлялась, в ее глазах мелко подрагивал сверхъестественный ужас. Кажется, она не верила в происходящее. Что же, ей пришлось это сделать, когда Олег раскалил один из ножей и начал расспрашивать.

Оборотень, которого не удалось освежевать, вообще оказался редкостным придурком. Взял разгон и забыл про физику; достаточно оказалось уклониться в сторону и в духе испанских пикадоров проткнуть ему холку. Олег уже осознал, что ярость – его лучший друг и помогает в деле борьбы с нечистью. Правда, пришлось смирить себя, когда на тропинке возле места казни обнаружили пенсионеры. «Я не убиваю людей, – напомнил себе отважный мститель, убегая в лес. – Я охочусь на тварей».

То, что оборотень остался в теле волка после смерти, Олег объяснить не мог. Равно как и практически полную нечувствительность к магии. И бешеную скорость, и способность видеть Иных. Оно просто было. Приходила злость – и приходили силы. А он при всем при том продолжал оставаться человеком.

– Скажи, – на лбу Фазиля собрались морщины, во взгляде поселились безмерная жалость и сострадание, – скажи, Олег, почему ты не пожалел хотя бы девушку? Мы точно знаем, она не была ни в чем виновата, даже донорскую кровь пила только по необходимости. Она не нападала на тебя, даже не защищалась, насколько я понимаю. Почему?

– А почему никто не пожалел мою сестру? – отрезал убийца. – Вы придумали себе уютный мирок со своими Договорами, со своими правилами, со своей холодной войной и ритуальными рыцарскими поединками. Да, я о многом успел узнать, – пояснил он в ответ на интерес во взгляде Ольгерда, – и когда разобрался, просто охренел. Вы решили, что вам все можно? А фиг там. Даже человеку дозволено не все, а вы ведь не люди. Вы клопы. А клопов давят.

Начальник Темных молчал. Что он мог сказать? Разве получится противопоставить незамутненной ненависти – сухие строки документа полутысячелетней давности? Закаленной в крови уверенности в себе – доводы о необходимости блюсти баланс и придерживаться рамок? Вспомнились советские солдаты времен Второй мировой: они так же кидались на вражеские танки и дзоты, веря в собственное бессмертие и неся подле сердца обратную сторону любви – и связку гранат. Образ был настолько ярким, что Ольгерд вздрогнул.

Пошевелился Инквизитор, до того казавшийся восковой фигурой. Даже как-то забылось, что он живой человек. Впрочем, кто их там знает. Поднявшись, мужчина с невыразительным лицом посмотрел на руководителей обоих Дозоров – по очереди.

– Дело выходит за рамки моей компетенции. Я заберу юношу в Прагу, будет создана спецкомиссия, будут привлечены эксперты. Не для протокола: мне о подобных случаях ничего не известно. Надеюсь, эта информация не будет распространена излишне широко. Требовать принять знак Карающего Огня не буду – ваши отчеты и так успели наследить в инфосфере, смысла нет. Но, повторюсь, Инквизиция оценила бы вашу сдержанность.

– В Прагу, говорите... – сощурился Ольгерд, все еще ощущая фантомную боль под грудиной. – Мне кажется, я знаю, что вами движет. Вы собираетесь сделать из парня живое оружие. Пугало для Темных. А может, и для Светлых. – Фазиль, прислушивавшийся с интересом, кивнул. – Только у вас ничего не выйдет.

– Хрен им, а не оружие, – протянул со своего места Олег. Голос его был расслаблен и даже насмешлив. – Такие же уроды, как и вы все. Только типа отстранились и бдят. Ха.

Темный повел раскрытой ладонью.

– О чем я и говорю. Он перережет вас всех во сне. Все пражское отделение. Вы собираетесь завести себе маленькую ручную атомную бомбу, забыв про короткий взрыватель.

Цатогуа, давно опустошивший свою посуду, вздрогнул и поежился. Глаза Жени потемнели.

– Или есть еще второй вариант, – развивал мысль Ольгерд. – Вы сможете взять его под контроль. Без магии, убеждением. Промывка мозгов, индоктринация, кнут и пряник... Не знаю, в общем, как именно, но сможете. И тогда он успокоится. Возьмет свой гнев под уздцы. И станет для вас бесполезен.

Инквизитор молчал и почти безразлично смотрел на главу Дневного Дозора. Тот подождал реакции, не дождался, потер лоб и проворчал:

– Ладно, в конце концов, *quod licet Jovi*⁷ – «*Quod licet Jovi non licet bovi*» – «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» (лат.), крылатое выражение: «если нечто разрешено человеку или группе людей, то оно совершенно не обязательно разрешено всем остальным»... Что мне сообщить остаткам вампирской общины?

– С ними я поговорю сам, – прошелестело в ответ. – А молодого человека надо по возможности накормить и обеспечить необходимый минимум гигиены. Я пришлю за ним транспорт и сотрудников.

Олег, скептически ухмылявшийся этим переговорам, обматерил покинувшего помещение Инквизитора, а также всех остальных. Дверь допросной закрылась за последним вышедшим.

*?***

Ольгерд шел по коридору и слушал тишину.

Тишина была, конечно, неполной. С ресепшена доносилась музыка – ведьма Крапивина наконец смогла подключить свой телефон к беспроводным колонкам. Где-то трещала клавиатура. Кто-то булькал кулером. Благорастворение на воздушных и во Иных благоволение.

Внезапно дверь перед магом открылась, словно с пинка. Оттуда донесся могучий рев:

– Ro... Da-a-a! – и следом вылетел невесть откуда взявшийся в офисе дырокол. Инструмент пронесся по воздуху, влип в стенку и с печальным бряком финишировал на пол.

Внутри кабинета обнаружилась неразлучная парочка – Василий и Цатогуа. Оба выглядели смущенными, но довольными. Ольгерд прислонился к дверному косяку и приподнял брови.

– А таки это ничего, шеф! – начал экспрессивно саморазоблачаться бескуд. – Мы ставим офигительно полезный эксперимент.

– А именно? – Интерес был живым и неподдельным: ну как тут новых магостойких людей выращивают? Впрочем, это вряд ли.

Никто из сотрудников обоих Дозоров так и не решился задать Ольгерду главный вопрос. Он и себе самому не рисковал его озвучить, даже в уме. Почему они так похожи с этим мрачным парнем? Откуда в нем такая сила? Был, был в жизни тогда еще молодого, не всегда сдержанного Темного один эпизод... Но это случилось давно. Очень давно. Неужели через столько поколений что-то проявилось? Или это просто совпадение? Мысли путались, и гнать их от себя казалось лучшей политикой.

Василий, решивший принять удар на грудь, пояснил:

– Мы это, учим меня колдовать.

– Что? – Глаза мага округлились. Цатогуа поспешил вмешаться.

– Всем известно, что магия обратной в основном, так сказать, для внутреннего пользования. Но мы тут полюбовались на... – он неловко сглотнул, – на нашего недавнего гостя и подумали: а что, если есть вещи, которые только кажутся невозможными?

О невозможном Ольгерд узнал за последнее время изрядно. Например, выяснилось, что практически нереально утихомирить расстроенного вампира. Биркен проведаль, что законная месть светит ему так же, как лихая пьянка с употреблением чистого медицинского спирта, – то есть никак. Он ворвался в офис Дозора, когда уже было поздно: ехидно поливающего всех желающих слушать ругательствами Олега погрузили в уютный минивэн, и на тот момент обвальщик уже был на пути к аэропорту, а то и в воздухе. В итоге умиротворяли главу общины чуть ли не вчетвером. Потом последовал подробный рассказ, что именно произошло за эти дни, а также предыстория со слов самого убийцы. В какой-то момент Биркен, с каждым словом утрачивавший свой боевой запал, практически сполз по спинке стула и простонал:

– Но ведь это я, я ее выпил... У меня была лицензия... Эта чертова бумажка...

Потом он помолчал, поднялся и вышел вон. Останавливать вампира никто не стал: свобода Темного – его полное право. Настроения это, впрочем, не улучшило никому.

– В общем, мы вместе с Женей, той волшебницей из Светлых, покумекали и решили, что надо попробовать перевести потоки магии оборотня изнутри – наружу. Хотя бы простенький толчок Силой оформить. А вокальная компонента у нас чисто для куражу.

Почесав шрам, Василий гордо покраснел. Любопытно, но сверхъестественная регенерация Иных так и не затянула раны полностью – никому из пострадавших. У Ольгерда осталась звездочка ниже ребер, у той же Жени красовалась полоса

поперек трицепса. Казалось, девушка ею даже гордится.

Взаимодействие между воронежскими Дозорами вышло на невиданный доселе уровень. Разгребли старинный, вялотекущий спор о праве Темных на шабаши в парке имени Дурова, в народе носившем меткое прозвание «Живые и Мертвые». В свою очередь были закрыты глаза на то, что некий Светлый целитель периодически посещает областную больницу и по мелочи шаманит над больными. К слову, мать Олега успешно вывели из комы, и она шла на поправку. О судьбе сына в известность пока что благоразумно не ставили.

Темный маг вздохнул. Дело было закрыто, и кажется, он не слишком налажал. Оставался, правда, неприятный осадочек. Можно было сколько угодно говорить, что парень сам нарвался, что Договор не был нарушен никем, что вампирская лотерея есть меньшее зло, что магостойкий убийца – малолетний придурок с максимализмом в штанах. Можно. Только легче от этого не становилось.

«А никто не обещал тебе, что будет легко», – упрекнул Ольгерд сам себя. Он поправил рукава пиджака, встряхнулся, мягко отодвинул Цатогуа в сторону и начал втолковывать:

– Смотри, при изведении Силы вовне главное – не переусердствовать. Контроль, контроль и еще раз контроль. «Не охотиться на мух с файерболлами», – главная заповедь Иных. А теперь попробуй еще раз...

Старые долги

Ведьма Крапивина, высунув от усердия кончик языка, наматывала на развесистое ухо Цатогуа полоску бумаги, добытой из шредера. Тот только вздыхал в ответ:

– Ах, мейделе, мейделе, ну що ты не даешь старому Иному таки уже спокойно похандрить? Я специально ушел в курилку, щоб не светить своей кислой рожей... – указательный палец бескуда потыкался в его же шикарный нос, – ...среди там, а ты пришла и кушаешь мне совесть среди здесь. Зачем?

Вместо занятой важным делом барышни ответил Василий, без особой натуги приподнимавший друга над полом, обхватив того по-борцовски за пояс:

– А не отрывайся от коллектива, – строго ворчал оборотень, нежно потряхивая товарища для пущей проникновенности. – Хандрить он будет, ага. Обойдешься!

Прислонившись к дверному наличнику и будучи удачно укрытым здоровенным офисным кулером, Ольгерд втихаря посмеивался над сценой групповой холдинг-терапии. По идее, стоило вмешаться, напомнить подчиненным о рабочей атмосфере, об этике трудового взаимодействия, о том, что строгое начальство, несомненно, бдит... Но как-то ужасно резало нарушать трудноуловимую, почти семейственную гармонию, ощущавшуюся в данный момент. Словно сказать детям в разгар просмотра любимого мультфильма, что им следует прибрать разбросанные игрушки и идти за уроки.

За секунду до телефонного звонка, грозившего сдать наблюдательный пост, предчувствие толкнулось заполошной птицей: Фазиль. Нырнув обратно в коридор, Ольгерд чиркнул пальцем по экрану устройства.

– Развлекаетесь? – Голос главы Светлых был доброжелателен, деловит и почти совсем не ироничен. Отвечать следовало в том же тоне:

– Не покладая рук, лап и заклинаний. Какие-то срочные межведомственные вопросы? Я почувствовал... – поведя свободной ладонью в воздухе, Темный маг прекрасно осознавал, что на том конце соединения это увидят, – ...некое волнение. Нетерпение. Неудовлетворенность.

Заминка в разговоре дорогого стоила. Заслуженно позлорадствовав ровно полсекунды, Ольгерд посерьезнел.

– Фазиль, рассказывайте.

– Да вот я тоже почувствовал. – Ироничность исчезла, доброжелательность устала, деловитость обернулась напряжением. – Пока не могу сказать что. Не потому что Светлые тайны; конечно же, нет. Просто...

– Я чувствую это в воде, чувствую в земле, ощущаю в воздухе, – не сдержавшись, процитировал Темный. Фазиль хохотнул, в его тон вернулось тепло:

– Ну да, можно и так сказать. Ольгерд, я вынужден отъехать на пару суток по делам... В общем, вы там поглядывайте.

– Именно мы? – уточнил глава воронежского Дневного Дозора, мигом собравшись.

– Именно вы. – В динамике помолчали. – Именно там.

И разговор завершился. Если бы Ольгерд имел право ругаться, он бы сейчас загнул что-нибудь эдакое, в три этажа и четыре коромысла, с подсвистом и переподвыподвертом. Но было нельзя.

За время звонка бескуда вернули в стоячее положение, бумажную лапшу с его ушей развеяли, и вообще вся троица старательно делала вид, будто ведет светскую беседу ни о чем. Конечно, они все слышали.

– Шеф, мы это, – деловито постучал кулаком об кулак Василий, – мы бдим. Упырь клыка не подточит.

Цагогуа энергично закивал, размахивая ушами. Впрочем, бодряческий вид не обманул Темного мага: что-то с бескудом действительно было не так. Следовало вызвать его на серьезный разговор – ну, насколько это было возможно в отношении языкатого сотрудника.

Ведьма и оборотень, почуяв настрой начальства, энергично дезинтегрировались по рабочим местам. Цадик, оставшись один на один с главой Дозора, потыкал себя пальцем в пуговицу на жилетке, а потом, неожиданно вздернув нос, блеснул таким взглядом, что Ольгерд напрягся.

– Хандра? – без обиняков уточнил он. Бескуд поморщился.

– Ну, там как-то оно, и чтобы да, так ведь и нет. Шеф, можно вас на не пару слов?

Перехват инициативы был, с одной стороны, на руку, а с другой – неожидан. Темный кивнул и развернулся в сторону своего кабинета. Спиной он ощущал, как решимость Цатогуа претерпевает пики и спады – и это вкупе со звонком Фазиля беспокоило все сильнее.

В момент пересечения порога мятущаяся величина преодолела очередной экстремум – и увлеченно покатила под горку. Чувствуя себя по меньшей мере былинным героем, отстаивающим Калинов мост душевного равновесия своего сотрудника перед хтоническими чудовищами сомнений и треволнений, Ольгерд едва ли не насильно усадил бескуда в его же любимое кресло, а потом собственноручно заварил кофе. Глаза Цатогуа подозрительно заблестели.

– Шеф, я...

– Не стоит, – пресек дозорный, стараясь, чтобы голос все же прозвучал мягко. – Цадик, я не настаиваю на неотложной исповеди. Но три момента: Обвальщик, звонок Фазиля, твоя хандра. Я не просто хочу, я обязан быть в курсе.

– Вот вам и пресловутая Темная свобода. – Вся скорбь богоизбранного народа горчила в этих словах, как пережаренное кофейное зерно, но Ольгерд на провокацию не поддавался. Он устроился напротив, сложил руки на колени ладонями кверху и наклонился вперед: поза максимального внимания и принятия. Отступить бескуду было некуда, но для проформы тот все же мстительно вздохнул:

– Один вызвался, один страдай. Только об одном прошу, шеф: вот это все, що я сейчас расскажу, – очень между нами. А, вы таки да по ходу сами поймете. – И Цадик, оставив чашечку на поднос, тоже подался к собеседнику...

?/?

Иржавка – речка вроде и не сильно глубокая, и ширины невеликой. Казалось бы, подруби сосну на берегу, и вот тебе мост, ежели в ногах уверен. Но сосны не шибко любили глинистые холмы, предпочитая забираться повыше и посуше,

ближе к предгорьям Карпат. Из-за сего неудобного природно-географического факта путь каждый раз приходилось выбирать по ситуации.

Если дожди не шли хотя бы неделю, можно было спуститься до брода подле Червонной горы и зайцем перескочить течение по камням. Снимать ботинки Кадиш ленился, да и невместно получалось внуку шойхета босиком по илу шлендрать. Обувку делал сосед-сапожник, и сносу ей, по его же словам, не было вовек. «Аф алэ йидн гезукт!» – приговаривал мастер, вручая готовое изделие уважаемому клиенту. Дедушка соглашался и похлопывал потомка по плечу, что означало: береги обнову.

Либо же, если Карпаты скрывались в тучах и с Зачарованного Края приходила большая вода, то приходилось топтать до главного моста, прямо между почтамтом и местной радой. Там было людно, конно, порой овечно – а также имелся риск нарваться на шантрапу, которой Кадишевы ботинки и сумка со снедью, доставляемой деду на перекус, казались как рекомое яблоко рекомой праматери всех женщин. Порой от таких встреч с моста до бойни приходилось лететь во все пятки.

Конечно, на самую бойню его не пускали. Сначала следовало подрасти, пройти бар-мицву, познать Законы, отучиться в йешиве, сдать экзамены. Не очень-то и хотелось. Вернее, хотелось – из любопытства. Но чтобы заниматься всем этим специально, каждый день, изо дня в день, всю остальную жизнь... Как-то оно не завлекало.

Младшему из Галеви грезилось, что за дальним холмом, за впадением Иржавки в Боржаву, за старыми венгерскими мостами и верстовыми столбами расстилается мир, до которого ему, маленькому киндерле из Оршеве, как называли свой штетл все прочие местные евреи, не добраться вовек. Просто потому что не хватит жизни человеческой: обойти каждую кривую тропку, заглянуть в каждый припавший к земле городок, посмотреть на каждую речку с самого ее высокого берега. Мало отмерил Он детям своим, ой-вэй.

Подобные размышления одолевали рыжеватою непоседу и в тот день, когда он, в очередной раз решив, что ныне можно и через брод, не заметил, как решением сим преломил свою жизнь пополам – на «до» и на «после». А кто бы заметил? Уж точно не мы с вами. Но – по порядку.

Пыля по тропинке и неотвратно приближаясь к спуску на перепрыг, Кадиш заметил внизу человека. Причем не абы какого. Зеленого. Именно так местечковая пацанва прозвала странного типа совершенно невнятного рода занятий и социального статуса, периодически появлявшегося в Оршеве или его окрестностях. Номен свой данный тип заработал за извечный, густого зеленого колера костюм. Что контуш из добротного, дорогого сукна, укороченный по последней моде, что вполне «европейского» вида гатьи, заправленные в сапоги, что аккуратная, сидящая чуть набок магерка – все это добро имело цвет поздней летней листвы, какую только в карпатских буковых лесах и увидишь. Прозвище и прижилось.

Никто никогда не видел, как Зеленый Человек с кем-либо заговаривал. Он даже по рынку проходил, игнорируя что колбасы с окороками, что яблоки с капустой, что пироги с ватрушками. Никто не знал, где живет этот странный тип; никто не мог припомнить его лица, если просили описать. Вроде усы. А может, и борода. А может, и нос крючком. Или обрит гладко да черты некрупные, бес его знает. Могло статься, что в самом деле знала только нечистая сила – больно уж мутный был персонаж.

Кадиш никому не рассказывал, но пару раз происходило странное. Когда Зеленый Человек принимался мелькать по окрестностям, дедушка начинал вести себя, словно у него появлялись спешные, неотложные дела. Он открывал древний сундук, стоявший в дальней комнате, долго шуршал в нем старыми свитками и мягко шлепал коробочками из кожи, в которых что-то перекачивалось и погромыхивало. Иногда брал что-то с собой – и уходил из дома. Иногда наоборот: запирали дверь покрепче, надевал тфилин, набрасывал на голову покрывало и читал себе под нос из Торат Моше, пока не приходила глубокая ночь. Было это и страшно, и жуть как любопытно.

Теперь Зеленый Человек снова объявился. И стоял на берегу Иржавки, вниз по течению от брода, через который младший Галеви планировал форсировать реку. Просто стоял: держал руки скрещенными на груди, смотрел в кипящую на валунах воду, даже с носка на пятку не раскачивался. Неудобное соседство выходило, что и говорить. Но возвращаться, топать до моста, в потенциале – общаться с тамошней шушерой на предмет «эй, жиденок, куда пошкандыбал?...»... И Кадиш решился. Принял максимально независимый вид, подтянул порты и погойсал по каменюкам.

Дотянув до тропки меж кустами, он обернулся. Человек все так же стоял, смотрел, не шевелился. Думал, видать, о чем-то о своем. Если верить досужим бабьим шепоткам – выбирал, кого проклясть или сглазить. Лица его и в самом деле было не разглядеть. На всякий случай, совсем не в обычаях предков сплюнув через левое плечо, подросток понесся дальше – по важным семейным делам.

А на следующий день пропала одна из женщин в городке. Не из штетла – русинка, замужняя, в меру вздорная, в меру крикливая, в общем, ничем среди своих товарок не выделявшаяся. Пропала и пропала: слухи, ахи да охи покурсировали среди народа на базаре, ну и приумолкли. Все сошлись на том, что либо волк задрал, либо медведь в берлогу унес. На всякий случай ватажка пастухов да охотников прошерстила окрестные леса, но никого не обнаружила – ни зверя, ни человека.

Услышав новости, дедушка вздрогнул. Кадиш как раз опять приволок ему торбу со снедью и видел, как старик на мгновение чуть не выронил крынку из крепких, опытных пальцев. Шойхет, который ни разу не промахнулся, не допустил ни одной ошибки при резке... Это было немислимым делом. Но это было. А потом известия поперли, как отара на стрижку, и стало совсем нехорошо.

Пропала еще одна баба. И еще одна. Народ заколготился, начали собираться, кричать, спорить. Поглядывали на Кадиша, на дедушку, на прочих «жидов» из штетла. Тревога закипала, пенилась, поднимала крышку и грозила уронить ее в угли. Дело шло к тому, что взрослые, опасливо оборачиваясь, называли темным, рыклым словом «погром».

Но не дошло.

Ночью кто-то скрипнул воротами. Кадиш не спал, слушая, как в очередной раз дедушка бормочет над старыми свитками, шурша по строчкам темными, поблескивающими под лампадкой ногтями. На постороннем звуке голос прервался. Стараясь не выдать себя, внук шойхета осторожно поднял веки и увидел, как глава семьи побледнел, бросился к сундуку, что-то положил в карман, повесил на шею, сунул за пояс. Потом воскликнул «Мезуза!» и устремился к двери. Он как раз успел заглянуть в кожаную коробочку над притолокой, когда снаружи постучали.

Ответил старик осторожно, сдержанно. Видимо, очень не хотел, но было надо. Остальная родня, разбуженная возней, сидела тихо: никто не решился давать советов старшему.

Прошло несколько минут. Не было слышно почти ничего – только шепот дедушки доносился от двери. По тону было понятно: гости хотели, чтобы он вышел на двор, а сам вызываемый упирался и отнекивался. Уверенность смешивалась с сомнениями, страх путал ноги решимости. Но в итоге после горячей, прочувствованной молитвы старый Галеви взялся за ручку – и шагнул в темноту.

Младший тут же бросился к окну. Нельзя было пропускать такое! Он аккуратно припал к ставне, не обращая внимания на попытки остальных шикнуть или поймать за ногу, устроился поудобнее, надавил на створку, чтобы обзор получился пошире. И увидел...

??*

Кофе остыл, Цадик допил его с отвращением. Чашечка снова мягко звякнула на поднос, и бескуд уставился на нее, будто в этом звуке были сокрыты важнейшие тайны вселенной – или невысказанные богохульства. Ольгерд замер, стараясь дышать пореже, чтобы не сбить повествовательный настрой подчиненного.

– Понимаете, шеф, я ведь до того момента про Иных ни сном ни духом. – Цагоуга пожал плечами и сплел пальцы рук. – Дед мой был тот еще партизан, как выяснилось. Хотя в будущем, как я понимаю, именно мне планировали передать все те великие и страшные тайны, которые наследовались в семье из века в век. Но – позже. А вышло – раньше.

– Погоди, погоди, – нахмурился Ольгерд. – А почему Кадиш? И Галеви?

– Ну так это мое настоящее имя. – Движение плечами повторилось. – Кадиш и Цадик на самом деле – формы одного и того же слова. А Галеви... Я позже сам сменил на Фишмана. Вы поймете почему.

Глава Дозора поморщился – загадки его не столько интриговали, сколько раздражали. Он буркнул в ответ:

– Так ты хочешь сказать, что подслушал, как Иные допрашивают твоего деда? Они что, забыли поставить «сферу невнимания»? По идее, до инициации...

– Сложнее, – ухмыльнулся вдруг Цатогуа, – все было гораздо сложнее. И со «сферой», и с дедом, и со мной. Начать с того, что до меня Иных в нашей семье не случилось никогда. Ну, кроме, может, одного...

*?***

Утром шойхет не пошел на бойню. Впрочем, после такой ночи это не удивило никого. Кроме разве что пары покупателей, приехавших из другого штетла, но им вежливо, с уважением разъяснили, что лучше подождать. Они и ждали.

А дома, на кухне, сидя друг напротив друга за столом, дедушка и внук вели обстоятельную, важную беседу. И мир Кадиша постепенно, но неотвратимо становился глубже и сложнее с каждым словом.

Дед говорил про Древо сфирот, которое лежит в основе мироздания, и через кое Свет Творения проникает во Тьму Хаоса, создавая в ней сущее.

Дед говорил про сами десять сфирот, три первых и семь нижних, и что многое, связанное с ними, обстоит не совсем так, как пишут в священных книгах.

Дед говорил, что раз на сотню сотен случаев среди простых людей рождаются Шоним, Иные. И они могут видеть шесть сфирот создания, уложенных в слои, одну над другой, тогда как все остальные зрят только одну – действия, – и это тот мир, в котором мы живем. И чем сильнее Иной, тем глубже он может пойти, без опасности заплутать на ветвях Древа Жизни и не вернуться обратно.

Еще дед говорил, что Иные бывают различными – от того, с какой стороны Древа идет их Сила. И бывают они Бней Ор, то есть Светлые, и Бней Афела, то есть Темные. И устроено так для того, чтобы были извечный баланс и борьба, рождающая движение.

И от этого вечного течения Силы Иные имеют власть – над человеческим сознанием, над огнем и водой, над сущностью вещей, а порой и даже над самой смертью. А для того, чтобы кто-то из них, возомнив себя правым, не натворил

непоправимого, Светлые следят за Темными, а Темные за Светлыми. И порой обе стороны тяжко карают нарушителей.

Теперь же они пришли узнать, кто похищает женщин в Оршеве. Потому что известно, что старый шойхет посвящен в тайны и многое видит. А самое главное – он знаком с тем самым Зеленым Человеком, древним и давно удалившимся ото всех Темным. Из тех Темных, что порой пьют кровь и едят плоть человека.

И если бы Иные хотели – задавали бы свои вопросы так, что не мог бы он им противиться, а после забыл бы все, что произошло. Но хвала Создателю и всем его именам, когда-то давным-давно род Галеви получил великий дар, ограждающий и от пламени Света, и от холода Тьмы.

В те смутные и благословенные времена, когда евреи еще жили на землях, завещанных им самим Моше, в дом одной небогатой, но уважаемой семьи постучался путник. Его, конечно же, приняли, накормили, чем смогли, пустили переночевать под крышу, а не в хлеву – ибо закон гостеприимства превыше даже беседы с Творцом. Незнакомец благодарно похвалил угощение, поведал известия дальних стран и ближних земель, с уважением и почетом отнесся к хозяевам...

А ночью явились солдаты. Громяхая доспехами, оставив тяжелые щиты и размахивая короткими, хищно поблескивающими гладиусами, они врываются в дома, ища тех, кто был связан с зелотами. Под горячую руку попадали все здоровые молодые мужчины – впрочем, присутствовавший примипил, сверяясь с рисунками на папирусе, только морщил изуродованное шрамами лицо: не те, не то. Получив подзатыльник или пинок пониже спины, каждый юноша возвращался к своим перепуганным родным.

Путник собирался было выйти сам, но его удержали, уговорили, спрятали в подполе, среди мешков с зерном и вязанок с финиками. А поверх крышки входа споро поставили кровать, где пожилой патриарх в меру убедительно изображал перед усталыми и сердитыми легионерами смиренное пребывание на смертном одре. Ему поверили, плюнули и ушли.

Наутро, покидая приютивший его кров, гость остановился на пороге. Поднял руку, прикоснулся к дверному косяку, окинул внезапно пронзительным взглядом притихших хозяев. И сказал:

– Вы поступили искренне и от души. Не только почитание Законов вижу в вас, но искреннюю любовь к ближнему своему, коя и есть единственный Бог. Будь же дом сей, и род, и хранители его благословлены. И Сыны Света, и Сыны Тьмы увидят мой знак.

Имя странника было Йехошуа, и шел он из города Ноцрета, про который скептики говорили, будто бы ничего доброго оттуда не может произойти. Однако же произошло. С того дня беды и лихо не то чтобы обходили укрывшую путника семью стороной, но как бы касались вскользь, не всерьез. Когда же прошел слух о том, что в городе Ирушалаиме ночной гость был взят в кандалы, допрошен и позже распят, к дому явился человек, похожий на сборщика податей, с сумой, полной свитков папируса, деревянных цер и стильев. Он долго стоял напротив дверей, внимательно изучая взглядом то место, которого касалась рука путника, а потом попросил главу семьи выйти и поговорить с ним во дворе. Ибо, объяснил он, теперь никому из Шоним хода в их жилище нет – и не будет во веки веков.

Назвавший себя Маттисьяху, он и рассказал потрясенному патриарху о Сумраке, об Иных, о делении на Светлых и Темных, о попытках влияния на мир людей и о прочих тайнах. А взамен попросил поделиться в мельчайших деталях тем, что делал, как держался и о чем говорил их ныне покойный гость. Потому что с глубокой, подлинной скорбью встретили все весть о его кончине, и ему с друзьями хотелось бы сохранить для себя и своих потомков память о жизни и деяниях его.

Патриарх рассказал. Сборщик занес чужие слова на свои дощечки; великое чудо письменности! Когда все было кончено, новый гость попрощался – и тоже ушел. Жизнь потекла своим чередом. Летели годы, декады, столетия. Род, благословленный чудесным путником, не угасал. Когда настали самые тяжкие времена, пришлось покинуть Иудею, отправившись за великое море, лежащее посреди обитаемых земель. Кое-кто стал порываться разобрать дом по кирпичику, дабы увезти с собой, но, посоветовавшись, решили глупостей не творить. Взяли только реликвии – но взяли их все. И хранили как зеницу ока, а то и пуще того.

Знания об Иных передавали из поколения в поколения. Кроме того, с какого-то момента обязанностью главы рода стало не только запоминать самому и научать тайным сведениям своего преемника, но и преумножать их, подмечая и записывая все необычное при не таких уж редких встречах с Шоним. Некоторые

из них приходили сами, с просьбами рассказать фамильную легенду, некоторые пытались преодолеть запреты, наложенные знаменитым гостем, испытывая себя и свою силу. Когда же был составлен Великий Договор между Светом и Тьмой, известие об этом было донесено и до тогдашнего патриарха. И скрупулезно внесено в семейную летопись.

Зеленый Человек явился к деду деда Кадиша, когда их семья еще только перебралась в Закарпатье. Он сказал, что издревле владеет этими землями, и дал понять, что в курсе особого дара, сопровождающего род новоприбывших. Также сообщил он, что в знак уважения к одарившему обязуется по доброй воле не причинять вреда никому из семьи, а в случае возникновения проблем с прочими низшими Темными рекомендует упомянуть имя князя Илошвай. И полюбоваться, какое это возымеет действие.

И вот теперь, когда прошло уже более сотни лет, другие Шоним, и Бней Ор, и Бней Афела подозревают Зеленого Человека в недавних убийствах. Потому что репутация репутацией, а служба – службой, и пока все обвинения не будут сняты, Великий Договор будет требовать покарать виновного в нарушении его положений.

Дедушка сидел, подперев голову рукой, и с сожалением пересказывал внуку то, что тот и так уже частично подслушал ночью. В том числе и детали расследования, которыми сочли возможным поделиться Иные. Над одной из них Кадиш задумался.

– Первая женщина пропала полторы недели назад. – Он начал загибать пальцы, и старый шойхет одобрительно похлопал его по плечу: умение считать полезно, а освоивший его рано – уважаем. – И тело уже нашли. Я слышал, что говорили о точном моменте смерти. Такое можно узнать?

??*

– Конечно, можно, – не сдержался Ольгерд и досадливо цокнул языком. Впрочем, Цатогуа не стал злоехидничать по поводу этого «конечно». Видно было, что он по кончики бровей в воспоминаниях, и начни вдруг начальство перед ним раздеваться, исполняя румбу, это вряд ли вызовет реакцию бурнее поднятия уха.

– Да-а-а, – медленно покачал тот головой, а потом вдруг приободрился и поискал вокруг взглядом. Ольгерд с готовностью подсунул свежую порцию кофе, подогреваемую все это время при помощи простенькой магии. – Я тогда об этом и узнал. Причем оно занятно вытанцовывалось: примерный срок мог сказать и простой медик. Ну, у которого нормально так было практики по жмурам. Иные, естественно, смогли сосчитать даже минуты. И с этим у них получался казус.

– Какого рода? – Догадка уже посетила Ольгерда, но он не хотел торопить события. Бескуд снова кивнул.

– Того самого. Когда жизнь уже таки покидала тело пропавшей, оставляя ее безутешного супруга вдовцом, а детей сиротами, бла-бла-бла... В общем, ровно в тот самый момент ваш покорный слуга, – Цадик шутливо приложил ладонь к сердцу, что было признаком возвращавшегося самообладания, – пересекал Иржавку вброд. И наблюдал там Зеленого Человека. Алиби.

– Тебя проверяли на внушение? – уточнил глава Темных. Подчиненный постучал себя пальцем по кончику носа.

– Естественно. Но – напомним про благословение. Они обнаружили только Его защиту, а дальше им ходу не было. Дозорным пришлось принять мои слова как факт. И отступить...

??*

В самих Шоним не было ничего страшного. Ни в Светлом, выглядевшем, как простой, чуть более зажиточный мужик из недалекого села, тяжело и пронзительно посверкивавший глазами из-под шапки каштановых кудрей. Ни в Темном, разряженном городским щеголем, со взглядом высокомерным и цепким, как у голодного, но осторожного кота. Они задавали вопросы, на которые можно было с чистой совестью и легким сердцем давать честные ответы – кто, где, когда, как высоко при этом стояло солнце. Присутствовавший дедушка встревоженно поглядывал то на опрашиваемого внука, то на задумчивых дозорных. Но, кажется, не находил, к чему придраться, и вынужденно сдерживал себя.

В итоге Кадиша поблагодарили за помощь, вежливо распрощались и отпустили обоих Галеви домой. После этого долгое время не было никаких новостей: женщины пропадать перестали, Иные не появлялись, жизнь входила в свою колею. Так прошло около года.

Однажды Кадиш гонял с соседскими мальчишками, проверяя, кто дальше прыгнет с забора в конце двора. Была как раз его очередь лезть на импровизированный трамплин, когда мир вокруг зачем-то вздрогнул. Удивившись – чего это он? – мальчик попытался ухватиться за кривоватые, выщербленные ветром, дождями и самим временем кирпичи, но вдруг понял, что промахивается. Страх, скользя по костям, укусил его в самое сердце – что, зачем, почему? А мир тем временем трепетал, словно крылья воробья, кружился и неотвратно заваливался куда-то за затылок. Кадиш успел крикнуть что-то невразумительное – и его словно загасили, как свечу.

Очнулся он уже дома. Болело все. Болели ребра – друзья сказали, что он рухнул кулем с высоты трех аршин, и поймать не успели. Болели пальцы – ободрал, когда пытался ухватиться. Болела голова – но не от удара, а мерзко, противно, вспухая изнутри. Подташнивало и шумело в ушах. И была слабость, не дававшая толком даже повернуться на кровати.

Сначала на него, конечно же, накричали. Потом принялись причитать. Порывались тормозить и требовать перестать придуриваться. Плакали. Молились. Дедушка, вернувшийся с бойни ближе к вечеру, строго повелел всем не предаваться унынию, ибо это ни в коем разе не поможет, а только усугубит. Потом внимательно осмотрел внука, вздохнул и направился в свою комнату.

Явился оттуда он уже ближе к ночи. Одетый непривычно, «по-дорожному», как это называлось, с сумкой через плечо, он еще раз подошел к кровати, снова вздохнул и направился к двери. Подле нее задержался. Прикоснулся к мезузе, продолжавшей охранять дом, – и вышел вон.

Его не было дня два. За это время Кадиш слегка оклемался, начал пытаться вставать – но на следующий вечер при попытке добраться до отхожего места его снова скрутило. Хуже всего оказалось, что организм решил расслабиться во время приступа и целей своих достиг: со стыдом пришлось окунуться в кадуюшку, а одежду унесли стирать, держа на вытянутых руках. И головная боль, поутихшая было за ночь, вернулась с новой силой, сворачивая весь остальной мир до глубокой, гулкой ямы, со дна которой будто бы тянулся сам подросток. И

не дотягивался.

Утром третьего дня дедушка вернулся. Причем не один: с ним был доктор, которого Кадиш уже как-то видел в Оршеве. Он жил далеко – поговаривали, что ажно в самом Унгваре, – и в их краях появлялся, только если случалось что-то действительно серьезное. Значит, похолодел Галеви-младший, сцепив зубы, дело действительно дрянь.

Доктор подтвердил его подозрения. Он задумчиво шевелил усами, щупая тощую мальчишескую грудь под ребрами, светил маленьким зеркальцем в глаза, от чего в голове стреляло и искрило, и считал биения сердца, глядя куда-то в сторону. Попутно выпрашивал: что Кадиш ощущает, как дело обстоит с аппетитом, с чего все началось, что было до того, не случилось ли ударяться *cranium'om*[8 - Череп (лат.)].]. Позже, отозвав дедушку в сторону, что-то серьезно и будто бы виновато ему втолковывал. Разобрать удалось только «*encephalitis*[9 - Воспаление мозга (лат.)]» и «*tumor*[10 - Опухоль (лат.)]», но то, как побледнел старый шойхет при этих словах, сказало больше, чем самые подробные объяснения.

Когда гостя проводили, дедушка тяжело осел на табурет возле стола и подпер голову сильными, натруженными за годы руками. Причитания среди остальной семьи возобновились было, но быстро умолкли. Видно, даже до самых эмоциональных дошло, что это неуместно, ни к чему, незачем. Кадиш лежал и мысленно примерял на себя фразу: «Я умру». Слова падали и проваливались насквозь, не желая задерживаться в голове, и тогда он поднимал их обратно, снова и снова. Небо заглядывало в окно, на ветке растущей возле дома акации сидел и поглядывал внутрь нахальный, рыжий в утренних солнечных лучах воробей.

Тогда старший Галеви встал. И произнес несколько слов, за какие сам же в свое время строго выговаривал всякому употребившему. Грохнул кулаком по столу, снова повесил сумку через плечо и вышел. К дверному косяку он больше не прикасался.

Проходил день за днем, ночь за ночью считала мгновения. Кадиш пытался свыкнуться с мыслями о смерти. Ему становилось то лучше, то хуже, но мозг до последнего отказывался впустить в себя осознание простой истины: скоро его не станет. Останутся нехоженными дальние дороги, несмотренными чужие города, непересеченными мосты над тайными реками. Жизнь переломилась у самого

своего корня, не успев даже толком вытянуться и зашелестеть листвой.

На сей раз ждали гораздо дольше. Лишь через три недели где-то в дальнем конце улицы загрохотали копыта, потом раздался стук, скрип спешно отворяемых воротин. Дедушка, усталый, еще более постаревший, провонявший пылью и смесью конского с человеческим пота, влетел в дом, бешено озираясь, потом подпрыгнул и совершил немислимое: стянул мезузу с притолоки. Пошептал над ней, словно извиняясь, и унес в свою комнату. Хлопнула крышка сундука.

А в дом уже заходили новые гости, при виде которых Кадиш забыл про головокружение и приподнялся на локтях. Это были Иные, и знакомые Иные – те самые, что допрашивали Галеви-младшего по поводу подозрений в адрес Зеленого Человека. И Мужик, и Кот, как их еще тогда мысленно окрестил внук шойхета, со сдержанным интересом косились по сторонам. Взгляды их порой словно гасли – казалось, что они смотрят не на предметы вокруг, а куда-то еще. «В Сумрак», – догадался Кадиш и сам себе покивал: ну конечно, им же интересно, как действовала защита и почему только теперь стало можно войти.

Кот остался стоять подле стола, с легким налетом брезгливости поглядывая на пол, потолок, нехитрую утварь и мебель. Мужик же, не церемонясь, взял табурет и присел рядом с кроватью больного. Он пристально посмотрел в упор, взял подростка за истончившуюся, посеребшую руку и гулко спросил:

– Помнишь нас?

– Помню, – просипел отвыкший говорить вслух Кадиш, потом откашлялся и повторил: – Помню, конечно. Вы спрашивали о Зеленом Человеке. А что с ним? Вы узнали, кто был виноват? Поймали?

Улыбнувшись, Мужик похлопал его по предплечью.

– Вот же неугомонный. Да, и узнали, и поймали. Но об этом, может, потом. А теперь сказывай: чего это ты тут учудил?

??*

– Так, погоди. – Ольгерд встал и прошелся по кабинету. – То есть ты хочешь сказать, твой дед был настолько важен для Дозоров, что смог уговорить их тебя вылечить?

В больших влажных глазах Цатогуа были одновременно и печаль воспоминаний, и добродушная ирония, и некоторое даже удивление. Он поджал губы и развел руками.

– И как вы себе это уже представляете? Он помахал на них щепкой от стола, за которым успел посидеть Йехошуа ха-Ноцрет, Иные ужаснулись великой мощи сего артефакта и живеньким аллюром поскакали в Оршеве?

– Я стараюсь ничего не представлять, не имея на руках фактов, – добавил холода в голос глава Дневного Дозора. – Давай не тяни уже, а то кофе отниму.

– А я и так уже допил, – с нахальной невинностью и прозрачайшим намеком в голосе похлопал бескуд ресницами. Ольгерд едва удержался, чтобы не приложить ладонь правой руки к лицу. Впрочем, кофемашине было все равно, и потому очередная порция напитка вновь перекечевала в руки Цадика. Тот потянул губами пенку, зажмурился от удовольствия и продолжил рассказывать:

– Естественно, у Иных был свой интерес. Как я понимаю, дедушка обещал дать им взглянуть на мезузу и прочие реликвии. Ну и конечно же, Светлые испытывали благодарность за помощь в расследовании, а Темные не могли упустить возможность проследить, чтобы Светлые не наделали по этому поводу какой-нибудь благодетельности. Вот только была с этим одна маленькая проблемка...

?/?

Иные рассматривали и расспрашивали больного ничуть не меньше, чем унгарский доктор. Мужик просто буркнул: «Так надо». Кот же объяснял это тем, что защита, наложенная Сами-Знаете-Кем, может вносить искажения, и требуется проверять, перепроверять и опосля еще три раза уточнять.

Дедушка, к слову, вцепился в сказанное о защите, как клещ в лодыжку. «Как же так? – пытливо вопрошал он дозорных, неспешно, медлительным шагом

надвигаясь из дверного проема, где застыл было в начале визита. – Ведь сказано было: будь же дом сей, и род...» Дозорные старательно делали вид, что просто прогуливаются по комнате, а вовсе не держат безопасную дистанцию, и пытались давать маловразумительные объяснения. Кадиш веселился бы от души, если бы все не было настолько печально.

Так, по словам Мужика, выходило, что благословение Йехошуа фактически является всего лишь щитом. От агрессора-недоброжелателя, от дурного слова, от неприятностей, происходящих извне семьи, оно укроет. А вот от внутренних ссор, от утраты веры в себя, от болезней, зарождающихся в человеческом теле, – увы, нет. А Кот, зажмурившись ехидно, добавлял: «Ушла же родительница сего... м-м-м... отрока из-под вашего гостеприимного крова? Бросила ребенка и сбежала с цыганом, насколько мне известно. И все реликвии не остановили». Дедушка в ответ молчал и стискивал кулаки.

Кадиш слушал внимательно. Отдельно интересно стало, когда заговорили о маме – в семье этот вопрос по доброй воле не поднимали и старательно замалчивали, если он возникал. А потом обсуждение перешло на сам предмет недомогания, и тут уже наоборот – захотелось заткнуть уши, чтобы не слышать, не знать, не принимать горькой правды... Но даже на это сил не было.

И Темный, и Светлый подтвердили диагноз: в голове Галеви-младшего поселилась злокозненная опухоль. Она растет, распространяется, давит на окружающие ее ткани, перекрывает кровеносные жилы – и в результате мозг начинает работать с перебоями, как если бы в механических часах между зубцов шестеренок попал песок. Естественно, ни к чему хорошему это в итоге привести не может: однажды опухоль просто разорвет что-нибудь жизненно важное, или отравит кровь своими выделениями, или сдавит сосуды так, что «задушит» внука шойхета.

Поделаться с этим, увы, ничего нельзя.

Оказалось, что каждому Иному положен некий предел его личной Силы. Границы между ними достаточно условны, но выяснены издревле. Всего существует около семи ступеней, которые может пройти Шонэ, Иной, – от простого чародея до мага первой категории. Есть и Высшие – те, кто оные категории превозмог, сроднившись с течением Силы настолько, что способен обходиться без ритуалов, пассов и заклинаний, одной лишь мыслью творя и разрушая, исцеляя и губя. К сожалению, никто из присутствующих таким мастерством похвастаться не мог.

«А опухоль, да еще и такая запущенная, – задумчиво потупясь, объяснял Кот, – это серьезно. Это очень, очень серьезно. Тут требуется вмешательство минимум второй, в идеале первой ступени. Ни я, ни мой... уважаемый оппонент на сие не способны». И добавлял: магов такой силы в наших краях сложно найти. Понадобится ехать в Варшаву либо в Пешт, а то и в саму Москву. Путь неблизкий, состояние мальчика критическое – но и это еще не вся беда.

Вполне возможен, да и скорее наиболее вероятен следующий вариант: уважаемого шойхета из местечка Оршеве примут в больших Дозорах. С интересом выслушают. Зададут уточняющие вопросы. И с сожалением разведут руками. Потому что между Темными и Светлыми заключен Договор, и любое воздействие на людей, пускай даже и на таких особенных, как род Галеви, не должно нарушать имеющийся баланс.

А соблюдение рекомого баланса – это куда сложнее, чем вся *grande politique*[11 - Большая политика (фр.)], разыгрываемая государями мира людского. За право сделать ход и не получить равный по Силе и обратный по знаку ответ глава любого из старших Дозоров, не колеблясь, отдаст пару сотен лет своей личной вечности. Увы, сие практически невозможно: за проведением в жизнь положений Договора следит еще и могущественная, таинственная Инквизиция. И она не допустит перекосов.

Однозначно благое, доброе, Светлое воздействие первой ступени – это и есть тот самый перекоп. Темные, согласно правилам, получают право на свой ход. И вряд ли кому-то из Высших Светлых понравится мысль, что за здоровье вкуче с долголетием одного шепутного подростка придется заплатить, пусть и только с вероятностью, но все же, возможно, многими жизнями других людей. Ведь с давних пор известно, что смерть и горе творятся куда как легче, чем жизнь и счастье.

Так что Ночной Дозор откажется. И запретит это всем Светлым целителям, живущим приватно, не вмешиваясь в противостояние. А в Дозоре Дневном просто укажут на дверь, даже не дослушав. Заинтересовать их историей знакомства с Иисусом Христом, даже вкуче с древними артефактами и возможностью изучить держащееся далеко не первый век заклятие, вряд ли получится. Мелковато, хоть и любопытно.

По очереди излагая свои соображения, и Кот, и Мужик выглядели скорее не виновато, а смущенно. Заметно было, что им не хочется признаваться в собственном слабосилии – но когда речь зашла о соблюдении Договора, никто из них ни секунды не колебался. Ясное дело: мальчишек, пусть даже и не совсем обычных, в этом мире полно. А за нарушение важнейшего в жизни Иных устава по головке не погладят. Причем ни свои, ни чужие.

Светлый тем не менее помялся, потер крупные, широкие ладони одну об другую – и пообещал: он напишет своим старшим. Но, увы, даже с применением магии дело это нескорое. Темный, со своей стороны, снисходительно пообещал не чинить препятствий и доложить начальству только в том случае, если кто-то действительно возьмется лечить Галеви-младшего. «Это все, что мы можем», – пожал он плечами, и дедушка в ответ медленно, тяжело кивнул. Он понимал – как сказанное вслух, так и подразумевающееся негласно.

Позже, когда Шоним под присмотром шойхета удалились в его комнату осматривать старинные реликвии, вполголоса обсуждая и споря о своем, Кадиш лежал в постели и думал. Думал же он о том, что надежда – глупое чувство. Что, возможно, лучше было, если бы дедушка никуда не ездил. Что и так понятно было с самого начала: никто не сможет помочь. А значит, пора начинать готовиться к отправке в небытие с последующим ожиданием прихода Машиаха и возрождения в новой, вечной жизни. Что, конечно, ужасно обидно и крайне некстати: когда еще то возрождение случится... А как же реки, дороги и города?

Затем он, устав и от разговоров, и от мрачных мыслей, и от боли, которая даже не думала покидать, а просто стала привычной, обыденной, как зуд от комариного укуса, прикрыл глаза и задремал. И снился ему почему-то куст акации за окном. Очень важно было, чтобы этот куст в его сне не срубили и не выкорчевали. А такая опасность существовала – со стороны ворот подбиралась безликая женская фигура, вооруженная то ли валашкой, то ли сапкой. Фигура эта была одновременно и никогда не виденной Кадишем матерью, и в то же время – самой опухолью, почему-то вылезшей из головы и принявшей человеческий облик. Сновидец же стоял внутри дома, перед окном, порываясь бежать наружу – но не мог пошевелить и мизинцем.

Когда же он был готов закричать изо всех сил, зная, что это вряд ли спасет, но зато хотя бы поможет вырваться из тенет кошмара, – раздался далекий, гулкий грохот. Жуткая сущность выпрямилась, словно ее окликнули, и растаяла. За ней же растаял и сон, смахивая остатки коего с лица внук шойхета понял:

действительно грохочут. А вернее, стучат. На улице стучат – в ворота, по ходу дела. А там темно. Ночь на дворе. Кто бы это мог заявиться так поздно?

??*

Стучали не на улице, стучали в дверь кабинета. Ольгерд с определенным усилием вынырнул из обрисованной воображением картины и, глянув сквозь Сумрак, махнул рукой, мол, заходи. В приоткрывшийся проем пролезла знакомая кривая ухмылка.

– Шеф, а я Цадика искал, – Василий повел носом, – а он у вас. А надолго?

Бескуд, который последнюю пару минут совершенно откровенно затягивал рассказ, видимо, не решаясь перейти к самой важной и интересной части, встрепенулся.

– Да, может, я уже это самое...

– Сидеть, – негромко, отрывисто припечатал глава Темных. А когда физиономии обоих подчиненных вытянулись в достаточной мере, вдруг улыбнулся и пояснил: – На самом интересном месте – ни за что!

Оборотень занервничал и подался вперед.

– Так, а мне? А я? А послушать?

Вопросительно посмотрев на Фишмана, Ольгерд как бы делегировал ответственность. Мол, твой рассказ, тебе и решать. Тот тяжело вздохнул и, не глядя на приятеля, пробормотал:

– Вась, тут это... Понимаешь... Я бы со всей душой... Но не могу! – облегченно выдохнул он наконец. А потом покосился на начальство и мстительно выдал: – Вот шеф дослушает и решит. Он у нас мудр и ответственен.

Шпилька, замаскированная под комплимент, звякнула о старательно отращиваемую Темным магом броню невозмутимости и канула куда-то к

единообразным товаркам. Ольгерд покровительственно улыбнулся, втайне мечтая все-таки надрать уши хитрому бескуду, отослал задумчивого оборотня еще одним взмахом руки и поцокал ногтем по столу, привлекая внимание рассказчика.

– Я почти догадываюсь, но мне интересно. Значит, это был...

– Зеленый Человек, – передернул плечами Цатогуа. – Он же князь Анджей Илошвай. Собственной персоной.

??*

После ухода Шонэ коробочка с мезузой была водворена на свое законное место поверх дверного косяка. Естественно, начало разговора с неожиданным гостем происходило во дворе – усталый, измотанный шойхет спросонья, видимо, даже не очень понимал, чего от него хотят или, скорее, что ему предлагают. Зато когда до него дошло...

Дверь грохнула в стену, реликвия во второй раз за прошедшие сутки отправилась на дно сундука. Если бы сие узрел рав местной общины – его бы хватил удар, но, хвала Всевышнему, посторонних наблюдателей в доме не было. Все непосторонние, но очень любопытные, были разогнаны всклокоченным стариком по комнатам, вполголоса ворча, что в последнее время от колдунов да чародеев ночного покоя как не бывало. И только после этого в дверном проеме выросла знакомая Кадишу фигура – с которой все и началось.

Зеленый Человек при ближайшем рассмотрении оказался высок, смугл, кучеряв и бородат. Видимо, развеял заклинание, не дававшее случайным встречным запомнить его внешность, догадался Кадиш. Он за эти дни наслушался настолько всякого, что уже начинал ощущать себя если не опытным каббалистом, то как минимум адептом на пути к одному из посвящений. Впрочем, чем больше он узнавал, тем больше возникало вопросов – что было, в общем, закономерно.

– Ну здравствуй, мой юный спаситель. – Голос у князя Илошвай оказался низким, приятным, вызывающим доверие. И это не были чары: Кадиш все еще оставался от них защищен. Видимо, что-то природное, какой-то естественный магнетизм –

вспомнилось подслушанное неведь где слово. Зеленый Человек, которым пугали непослушных подростков, оказался вполне себе обаятельным дядькой.

– А почему спаситель? – уточнил Галеви-младший и тут же предположил: – Это из-за истории с пропажами? Там хоть нашли кого? У нас были Иные, но они не сказали...

Гость махнул рукой, усмехнувшись с налетом раздражения.

– Это же дозорные. Они очень любят свои игры. И свои маленькие тайны. Как твой дед умудрился их заманить?... – Он осекся. – Впрочем, понятно как. И понятно чем. Но мне ничего из этого не нужно, – произнес он громче, чтобы услышал и вошедший в комнату шойхет. Тот, намеревавшись было застыть у стены, покусал губы, а потом подошел ближе и сел рядом на корточки возле табурета, где устроился Зеленый Человек.

– Адони Илошвай, но как вы... – Старик посмотрел по сторонам и понизил голос. – Что вы хотите сделать? Законно ли это? – Он покачал указательным пальцем, чтобы его не поняли буквально. – Я не имею в виду законы людские, конечно же.

– Когда я пришел в эти земли, ни о каком Договоре не было и слуху, – поморщился князь. – Сей документ жесток, лицемерен и насквозь фальшив. Знал бы Он, к чему мы придем... – «Он» было подчеркнуто интонацией, и у шойхета брови полезли на лоб. Видно было, что его обуревают вопросы. Но Зеленый Человек не дал им выплеснуться наружу.

– У мальчика не так много времени, – рубанул он, вставая. Галеви-старший вскочил на ноги рядом, будто и не было двух недель в седле, а после – всего пары часов сна. – Нам понадобится повозка. Возьми и еды – рассчитывай на себя и ребенка, мне без надобности. Ехать не так чтобы далеко, но и ты, и он, вы оба устанете. И конечно, тряпье – сделать больному лежанку. Давай шевелись! – И князь хлопнул в ладоши. Через мгновение старика в доме уже не было.

Еще через некоторое время Кадиш с удивлением обнаружил себя в относительно удобной позе поверх каких-то старых покрывал, наброшенных на кучу мягкого сена в кузове телеги. Сонная пегая лошадка порывалась задремать, ковыряя землю копытом, а дедушка в сотый раз объяснял озадаченному соседу, что обязательно возвернет его добро, но зачем оно все понадобилось

добропорядочному еврею глубокой ночью – сказать не можно. Впрочем, когда подле телеги словно из ниоткуда воздвигся Зеленый Человек, хозяин транспорта резко утратил все возможное любопытство и бочком-бочком вымелся со двора. Репутация, вспомнил подросток. Такие дела.

Потом они двинулись. Сначала молча, проходя совершенно неузнаваемыми в ночное время улицами, стараясь не разбудить никого из знакомых и тем более незнакомых. Потом князь, объяснявший шойхету дорогу, подошел ближе к Кадишу и начал говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Какая ирония! (англ.)

2

Ночные бабочки (фр.).

3

Женщины легкого поведения (фр.).

4

Порядок и дисциплина (нем.).

5

Тысяча извинений (фр.).

6

Мать-кормилица (лат.), здесь: учебное заведение.

7

«Quod licet Jovi non licet bovi» – «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» (лат.), крылатое выражение: «если нечто разрешено человеку или группе людей, то оно совершенно не обязательно разрешено всем остальным».

8

Череп (лат.).

9

Воспаление мозга (лат.).

10

Опухоль (лат.).

11

Большая политика (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/lepehin_aleksandr/ten-sumerechnyh-kryl-ev

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)